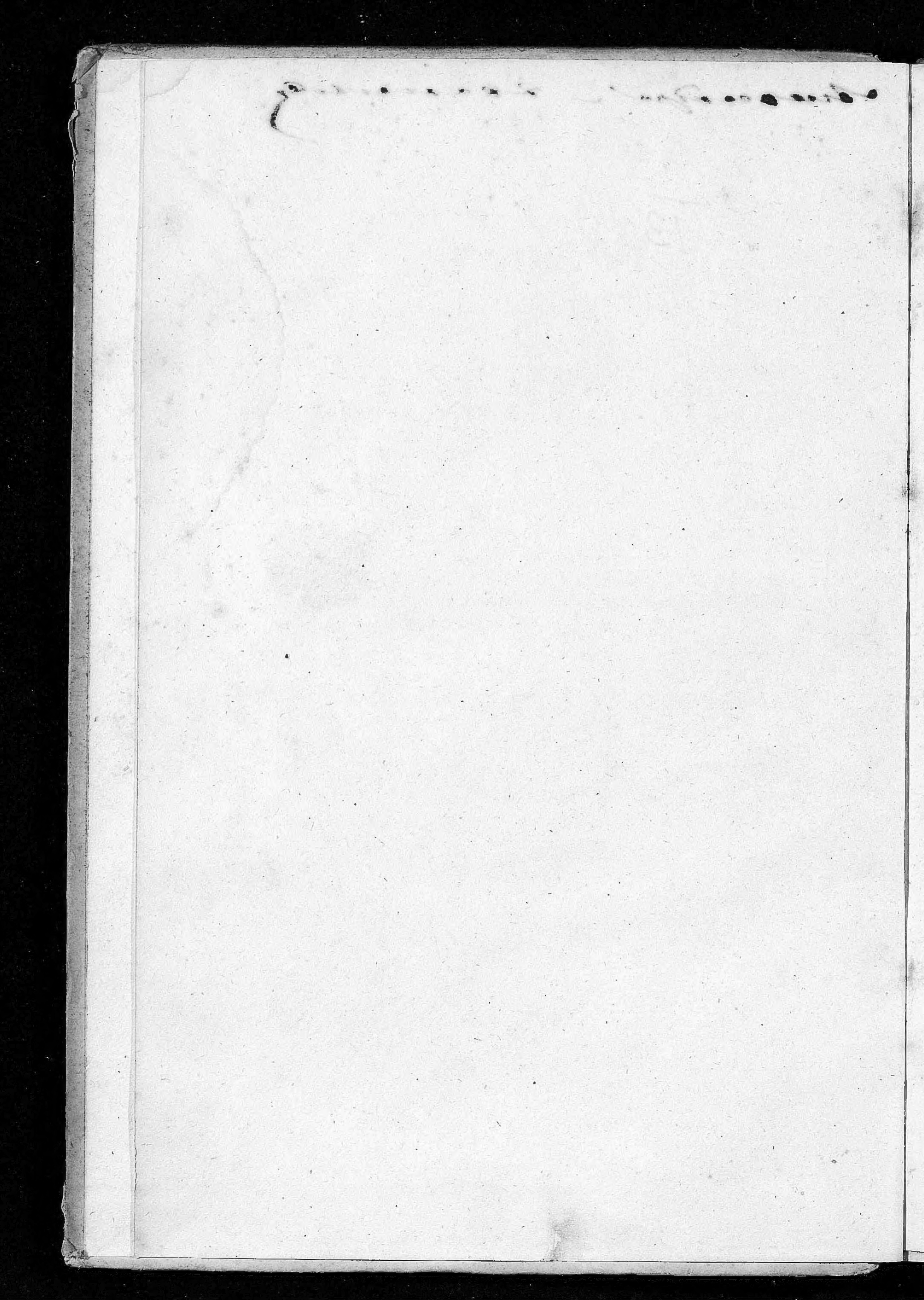
ГОЛОСЪ

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА.

МОСКВА.
1845.

Александръ [illegible]

ГОЛОСЪ

ВЪ

ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА.

(Статья, помѣщенная въ N 11 мъ Журнала: Москвитянинъ, 1845 г.)

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Декабря 15-го дня, 1845 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ГОЛОСЪ

ВЪ ЗАЩИТУ РУССКАГО ЯЗЫКА.

„Не увяжемый удъ въ человѣцѣхъ,
„бѣсящійся языкъ.“

(Авр. Палицына , Сказаніе Гл. 63.)

Въ 8 №° Отечественныхъ Записокъ за Августъ сего года, въ отдѣлѣ Библіографической Хроники помѣщена особенно замѣчательная статья, разборъ книги: „Граматическія Разысканія В. А. Васильева.“ — Она замѣчательна не потому, что сочиніе Г. Васильева удостоивается заслуженной похвалы, не потому, что отдается должная справедливость знаменитому труду О. Протоіерея Павскаго, и не потому только, что возвѣщаетъ любителямъ отечественнаго языка, что „послѣдняя, шестая, „часть *Филологическихъ Наблюденій* приводится къ окончанію „авторомъ и вмѣстѣ съ четвертою и пятою не замедлитъ по„ступить въ печать.“ — Статья сама по себѣ замѣчательна *субъективно* и *объективно*. Первое, по тону рецензента и его способу изложенія; второе, потому, что главный предметъ ея параллель Русскаго языка съ Французскимъ. Послѣдній безусловно восхваляется,

А Россіи—Боже мой! —
Таска...... да какая! (*)

(*) Д. Давыдовъ. Соврем. пѣсня. См. Утрен. Заря 1840. стр. 183

У насъ съ нѣкотораго времени Журналы, по праву сильнаго завладѣнія, почти исключительно поставили себя стражами, законодателями и оракулами въ наукахъ и словесности. Огромное вліяніе ихъ на сію послѣднюю производится не отдѣльными статьями, сообщаемыми и подписанными кѣмъ-либо изъ сотрудниковъ Журнала или постороннихъ его вкладчиковъ Такія статьи составляютъ не болѣе какъ голосъ или мнѣніе кого нибудь одного; а одному не всегда и не скоро удастся сдѣлаться главою школы. Главное средоточіе этого вліянія два особые отдѣла, собственно *Критика* и *Библіографическая Хроника*, никѣмъ не подписываемыя. — Этотъ обязанный, періодическій трудъ постоянныхъ рецензентовъ Журнала, есть голосъ редакціи, которая за него стоитъ круговой порукой, голосъ самаго Журнала, проявленіе его духа и направленія, которое тѣмъ болѣе распространяется, чѣмъ болѣе Журналъ имѣетъ подписчиковъ и читателей. И въ этомъ отношеніи Отечественнымъ Запискамъ неоспоримо принадлежитъ преимущество предъ всѣми другими Журналами нынѣшняго времени.

Не сочувствуя духу и направленію О. З., нельзя однакоже отказать въ справедливомъ уваженіи, на которое имъ даютъ право, во-первыхъ, постоянная и строгая исправность выхода; во вторыхъ, кромѣ *здоровой толщины* (1) книжекъ, точное выполненіе многосторонней программы Журнала. Переводныя статьи, иногда заключающія въ себѣ цѣлыя книги, непремѣнно новы и большею частію хорошо переведены. Въ Критикѣ иногда встрѣчаются статьи писанныя бойкимъ перомъ мастера. Матеріальная часть всегда въ порядкѣ относительно исправности печати, и даже разсылки книжекъ. — Вообще видна какая-то постоянная внимательность къ читателямъ, заботливость сдѣлать ихъ довольными, которая заставила бы думать, что удовлетвореніе вполнѣ ихъ ожиданіямъ и вмѣстѣ огромное вліяніе на мнѣніе публики суть двѣ единственныя цѣли Журнала, и что за ними уже, какъ неминуемое послѣдствіе, приходитъ сама собою дань нѣсколькихъ тысячь подписчиковъ; но О. З. сами открываютъ совсѣмъ другое, усиливаясь доказать, даже съ нѣкото-

(1) Слова О. З.

рой досадою (1), что въ журнальномъ, также какъ въ мануфактурномъ и торговомъ производствѣ, деньги суть и цѣль и средство.

Прежде, быть рецензентомъ или критикомъ было довольно трудно. Для этого требовался авторитетъ, основанный на собственныхъ ученыхъ или литтературныхъ заслугахъ. „Первымъ „критикомъ и, слѣдовательно, основателемъ критики въ Рус„ской литературѣ былъ Карамзинъ (2).“ Такъ говорятъ О. З. — Не споримъ и не станемъ справляться ни въ „Собесѣдникѣ“ осьмидесятыхъ, ни въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ пятидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, въ которыхъ была критика, когда Карамзина не было еще на свѣтѣ. За нимъ въ числѣ немногихъ явились Жуковскій и Мерзляковъ. Каждый изъ нихъ, преж-

---

(1) ...„Съ появленія *Библіотеки для Чтенія* литературный »трудъ сдѣлался капиталомъ.... Много было тогда объ этомъ »споровъ, и многіе видѣли въ этомъ униженіе литературы, »литературное торгашество. Рыцари литературнаго безко»рыстія, или лучше сказать, литературнаго дон-кихотства, »не замѣчали, что въ ихъ пышныхъ фразахъ больше ребя»чества, нежели возвышенности чувства. Въ наше время, »когда не-богачамъ жить такъ трудно и жить можно толь»ко трудомъ, въ наше время не цѣнить литературы на день»ги, значитъ не цѣнить ее ни во что, не признавать ея су»ществованія. Дѣйствительно, можно ли предполагать бога»тую литературу тамъ, гдѣ книги — не товаръ, и гдѣ го»ворятъ: »все товаръ — и битое стекло, и мусоръ и песокъ; »но книга — не товаръ?« Можно ли предполагать дѣйстви»тельное существованіе литературы тамъ, гдѣ можетъ жить »своимъ трудомъ и поденщикъ, и разнощикъ, и продавецъ »стараго тряпья, и битой посуды, и тѣмъ болѣе писецъ; но »гдѣ не можетъ жить своимъ трудомъ писатель, литераторъ? »Что бы ни говорили, но аксіома неоспоримая, что нельзя »въ одно и то-же время быть вполнѣ и хорошимъ чиновни»комъ и хорошимъ литераторомъ: чиновникъ непремѣнно бу»детъ мѣшать литератору, а литераторъ чиновнику. Чтобъ »быть ученымъ, поэтомъ, или литераторомъ вполнѣ, необхо»димо видѣть въ наукѣ, въ искуствѣ, или въ литературѣ »свое исключительное призваніе, свое, такъ-сказать, ремесло, »свой родъ промышленности, говоря языкомъ политической »экономіи.« (О. З. 1845. N0 9. Критика, стр. 4.)

(2) О. З. 1845. N 7. Критика, стр. 2.

де нежели быть критикомъ, былъ уже извѣстнымъ писателемъ, и могъ представить, если не въ образецъ, то въ оправданіе своихъ мнѣній, собственныя свои произведенія. Въ наше время этого не требуется. Рецензентъ можетъ быть авторомъ однѣхъ рецензій, и тѣ писать языкомъ небрежнымъ, неправильнымъ. Для него нѣтъ законовъ, онъ самъ законъ для всѣхъ. Неумолимый какъ fatum древнихъ, онъ изрекаетъ свои приговоры безъ розысканій и безъ доказательствъ, на основаніи своего собственнаго произвола. Онъ увѣренъ въ своей непогрѣшительности — довольно этого для него, должно̀ быть довольно и для читателей.

По поводу разбора книги Г. Васильева, Рецензентъ О. З. высказываетъ свое мнѣніе на счетъ бѣдности Русскаго языка сравнительно съ Французскимъ, который онъ, видно, преимущественно любитъ и употребляетъ. — Рецензія, ничѣмъ собственно не отличаясь отъ другихъ Рецензій, замѣчательна тѣмъ, что авторъ ея, не стѣсняясь никакимъ систематическимъ порядкомъ и послѣдовательностію въ изложеніи своихъ мнѣній, не обременяя легкую прозу свою ни доводами, ни доказательствами, нападаетъ на Русскій языкъ *въ разсыпную*, отъ чего и слѣдовать за нимъ довольно трудно. Иногда онъ шутитъ, иногда сердится, особенно на извѣстное ему племя людей, которыхъ онъ называетъ, то по-французски *пуристами*, то старинньмъ, Русскимъ словомъ *писаками*, то новымъ, его собственнаго изобрѣтенія, *граматоѣдами*, невольно напоминающимъ слуху и воображенію о Самоѣдахъ и людоѣдахъ. У насъ еще прежде словъ: *гуманный*, *рефлексія*, *салонъ*, принято Англинское слово *юморъ*, особеннаго рода веселость; но доселѣ не видно въ употребленіи Французскаго выраженія *mauvaise humeur*, означающаго то состояніе человѣка, которое по-русски называется *быть не въ духѣ*. Если бы рѣшиться обогатить имъ Русскій языкъ, то по справедливости можно бы сказать, что вся статья Рецензента О. З. проникнута сильнымъ *мовезюмёромъ*. Иногда, не совсѣмъ кстати разнѣжась, онъ прикидывается какимъ-то знатнымъ баловнемъ и объясняется такъ: »Писать по-русски письма — просто мученіе: фраза выхо

»дитъ тяжела, пахнетъ грамматикою и семинаріею, обо-»роты неуклюжи. Пишете, мараете — и кончите тѣмъ, »что сразу напишете по-французски — и выйдетъ хоро-»шо. Говорить по-русски, *не вмѣшивая фразъ* и словъ »французскихъ, очень-трудно. Наши литераторы и такъ-»называемые патріоты упрекали и теперь упрекаютъ выс-»шее общество въ равнодушіи и даже презрѣніи къ рус-»скому языку и русской литературѣ, въ пристрастіи и »даже страсти къ французскому языку и французской »литературѣ: обвиненіе несправедливое и *въ высшей сте-»пени мѣщанское* (*)!«

Далѣе: »Онъ (нашъ языкъ) еще менѣе привыкъ къ »разговору: мѣстоименія его *такія длинныя*, на-пр., *кото-»рый*, безъ котораго, между-тѣмъ, нельзя составить фра-»зы; а его причастія, и дѣйствительныя и страдатель-»ныя, *такъ долговязы*, главное же — такъ отзываются »высокимъ слогомъ;« его фраза такъ пахнетъ книгою.«

Въ началѣ своей статьи онъ говоритъ: »а между тѣмъ »у насъ нѣтъ рѣшительно ни одной удовлетворительной »грамматики!........ Каждый пишущій въ Россіи руковод-»ствуется своею собственною грамматикою; нововведені-»ямъ, этимологическимъ, синтаксическимъ и орѳографи-»ческимъ, нѣтъ числа и мѣры: всякой молодецъ на свой »образецъ! И между тѣмъ, не смотря на вопли нѣкото-»рыхъ старыхъ писакъ противъ этой грамматической »анархіи, въ которой они видятъ злоупотребленіе и чуть »не разбой, — при настоящемъ положеніи русскаго язы-»ка, эта грамматическая анархія неизбѣжна и необходи-»ма — даже полезна и благотворна....... Русскій языкъ »еще не установился, — и дай Богъ, чтобъ онъ еще

(1) О. З. 1845. N 8. Библ. Хрон., стр. 55.

»какъ-можно долѣе не установился, потому-что чѣмъ »дольше будетъ онъ установляться, тѣмъ лучше и бо»гаче установится онъ.«

Потомъ слѣдуетъ въ сжатомъ видѣ очеркъ исторіи Русскаго языка, который начинается такъ:

»Теперь посмотрите: Ломоносовъ установляетъ сла»вяно-латинско-нѣмецкую форму русскаго языка, всѣми »принятую безусловно; но въ писателяхъ екатерининска»го вѣка уже виденъ въ ходѣ языка значительный ус»пѣхъ: Державина и Фонвизина, по отношенію къ язы»ку, уже никакъ нельзя сравнивать съ Ломоносовымъ. »Карамзинъ, такъ сказать, убиваетъ на-смерть языкъ Ло»моносова, съ одной стороны, представивъ образцы но»вой прозы, а съ другой, вмѣстѣ съ Дмитріевымъ, пред»ставивъ образцы стиха, далеко, въ-отношеніи къ языку »(а не поэзіи), опередившаго стихъ Державина. Мало »этого: лишь-только проза его сдѣлалась образцовою и »начала развиваться далѣе содѣйствіемъ Жуковскаго, какъ »онъ самъ отрекается отъ нея и, въ своей „Исторіи", »силится создать со-всѣмъ другаго рода прозу. О Кры»ловѣ мы говорили. Стихъ Жуковскаго и Батюшкова не»измѣримо-далеко оставляетъ за собою стихъ Дмитріева »и Карамзина; Гнѣдичь создаетъ русскій гекзаметръ и дѣ»лаетъ русскій языкъ способнымъ для воспроизведенія »изящной древней рѣчи эллинской. Кажется, много сдѣ»лано? Трудно повѣрить, чтобъ можно было идти даль»ше? И что же? — Пушкинъ является полнымъ рефор»маторомъ языка, увлекаетъ за собою Крылова, писателя, »опередившаго его цѣлою четвертью вѣка, увлекаетъ »Жуковскаго. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ является Грибоѣ»довъ и создаетъ языкъ русской стихотворной комедіи, »какъ Крыловъ создалъ языкъ русской басни. Самъ

»Пушкинъ не стоялъ на одномъ мѣстѣ: съ Полтавы, вы-
»шедшей въ 1829 году, началась для его поэтической
»дѣятельности новая эпоха въ-отношеніи и къ творчеству
»и къ языку. Прозою онъ писалъ до того времени мало,
»но и въ его прозаическихъ отрывкахъ (особенно въ
»Арапѣ Петра Великаго) видно уже начало совершенно-
»новой русской прозы. И все это сдѣлалось въ какія-
»нибудь девяносто лѣтъ, считая отъ первой оды Ломо-
»носова — На взятіе Хотина, написанной правильнымъ
»тоническимъ размѣромъ, навсегда утвердившимся въ рус-
»ской поэзіи (1739), до Полтавы Пушкина (1829)!...
»Какая же могла тутъ явиться грамматика? Вѣдь грам-
»матика есть абстракція языка, существующаго въ со-
»зданіяхъ литературы, а литература измѣнялась съ каж-
»дымъ годомъ? При такихъ условіяхъ, какую ни напи-
»шите грамматику, — она успѣетъ отстать отъ языка
»литературы, пока вы будете печатать ее.“

Согласимся съ Рецензентомъ, что Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, писали при совершенномъ отсутствіи грамматики, хотя и посчастливилось имъ писать довольно правильно, но прежде попросимъ Рецензента объяснить намъ о чемъ онъ говоритъ? — Если о *легкой* поэзіи и *легкой литтературѣ*, то—какъ попали сюда Ломоносовъ, Державинъ, Исторія Карамзина и Гнѣдичь съ гекзаметрами? — Если о Русской литтературѣ вообще, — тогда, почему, говоря о перемѣнахъ, какимъ подвергался Русскій языкъ при Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ, не упоминаетъ онъ о вліяніи духовнаго краснорѣчія на эти перемѣны? — Знаменитое Духовенство наше, ранѣе всѣхъ другихъ сословій въ Государствѣ начавшее систематически учиться, никогда не было на православной каѳедрѣ своей нѣмо и безмолвно. Или никто не хотѣлъ и не хочетъ ни слушать, ни читать его проповѣди? Или ее труднѣе понимать, нежели гекзаметры, *„которые сдѣлали Русскій языкъ „способнымъ для воспроизведенія изящной древней рѣчи Эл-*

„линской?“ — Известно, между тѣмъ, что Георгій Конисскій, Платонъ, Леванда, Анастасій, говорили не языкомъ Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. Извѣстно, что языкъ Августина, Михаила, Филарета, Иннокентія, не есть языкъ проповѣдниковъ вѣка Екатерины.

Съ другой стороны, неужели у насъ языкъ законовъ и правосудія тотъ же, какой былъ при Дьякахъ и подъячихъ? Или эта отрасль языка у народа, имѣющаго гражданское устройство, такъ ничтожна, что не заслуживаетъ и упоминанія? Если нѣтъ,— то почему Рецензентъ не говоритъ о томъ вліяніи, какое имѣли на перемѣны въ языкѣ Безбородко, Завадовскій, Трощинскій, и въ позднѣйшее время Мордвиновъ (1), Сперанскій, Дашковъ, и нѣкоторые другіе пережившіе ихъ современники? Произведенія ихъ пера, кромѣ тѣхъ, гдѣ воля Верховной власти всенародно открывалась подданнымъ, не всѣ напечатаны, и неизвѣстны читателямъ повѣстей и романовъ, но доступны безпрестанно умножающемуся и весьма дѣятельному классу, богатому способностями, образованіемъ и трудолюбіемъ, именно, тѣмъ многочисленнымъ молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ наукъ въ Университетахъ, которые наполняютъ собою Канцеляріи Главныхъ Управленій, Министерствъ, Государственнаго Совѣта, Комитета Гг. Министровъ. — Едва-ли можно оспоривать и собственное ихъ вліяніе на дѣловой слогъ и то, что они служатъ посредниками между главными дѣятелями въ этомъ особомъ родѣ литтературы (2) и обществомъ, въ которомъ эти молодые люди употребляютъ для разговора преимущественно Русскій языкъ.

---

(1) *Прим.* Объ А. С. Шишковѣ не упоминаемъ, потому что сочиненія его всѣ напечатаны.

(2) У насъ вообще мало извѣстны исторія и система этого особаго рода словесности, обширнаго по числу предметовъ и по числу лицъ занимающихся имъ по долгу службы. — Справедливо нападаетъ Авторъ книги: „О преподаваніи отечественнаго языка (соч. Ѳ. Буслаева. М. 1844. стр. 179. 180.), на тѣхъ, которые хотятъ вводить въ Риторику для Гимназій теорію *дѣловыхъ бумагъ*, разумѣя подъ этимъ росписки въ полученіи денегъ, объявленія о потерянныхъ вещахъ и т. под. — Дѣйствительно, ерлыки къ воротамъ объ отдачѣ

Наконецъ, если рѣчь идетъ не объ одной легкой литтературѣ, то почему Рецензентъ, говоря о Пушкинѣ, какъ преобразователѣ языка, останавливается на повѣсти его, „Арапъ Петра Великаго", и не говоритъ ни слова объ Исторіи Пугачевскаго бунта? Почему, указывая на эту повѣсть, не упо-

комнатъ въ наймы и газетныя объявленія о пропажахъ также мало относятся къ *дѣловой словесности*, какъ объявленія о дешевыхъ средствахъ противъ клоповъ и крысъ къ литтературѣ Естествовѣдѣнія. Но съ перемѣной точки зрѣнія перемѣняется и содержаніе и объемъ этого рода словесности, о которой, разумѣется, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и рѣчи быть не можетъ. Покойный М. Л. Магницкій въ небольшомъ, у насъ мало извѣстномъ, но весьма полезномъ сочиненіи своемъ: „Краткое руководство къ дѣловой и Государственной Словесности," М. 1835, дѣлитъ эту словесность по эпохамъ и періодамъ, на *древнюю*, до Петра Великаго, на *среднюю*, отъ Петра Великаго до Александра I-го, и *новую*, отъ Александра I-го и учрежденія Министерствъ до нашихъ временъ. Относительно содержанія, онъ сперва отдѣляетъ: A) словесность *Государственную*, или языкъ актовъ, отъ лица Державной власти непосредственно исходящихъ; B) всю письменность Высшихъ Духовныхъ Управленій; C) письменность *приказную*, которая подраздѣляется. a) на *канцелярскую*, среднихъ и нижнихъ Присутственныхъ мѣстъ, b) *актовую*, имѣющую опредѣленныя закономъ формы, напр. для крѣпостей, закладныхъ, вѣрющихъ писемъ и пр.. c) *обрядовую*, или въ тѣсномъ смыслѣ *приказную*, которая относится къ канцелярской, такъ какъ въ Римскомъ правѣ относились *rabulæ* (ябедники) къ юрисконсультамъ. За тѣмъ, словесность собственно *дѣловая* или высшихъ Государственныхъ Управленій, раздѣляется: I) на *Законодательную*, II) *Судную* и III) *Распорядительную*, которая заключаетъ въ себѣ три слѣдующіе вида: A) *Военную*, B) *Дипломатическую*, C) *Гражданскую*, съ подраздѣленіемъ сей послѣдней: a) на собственно *Полицейскую*, b) *Финансовую* и c) *Ученую*. Образцы всѣхъ этихъ родовъ и видовъ дѣловой словесности можно найти въ полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи, Отчетахъ Министерствъ, ихъ Журналахъ, начиная съ журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, который, при учрежденіи его, назывался С. Петербургскимъ. Въ немъ особенно любопытно видѣть перемѣны, которымъ подвергся дѣловой языкъ при вліяніи М. М. Сперанскаго.

минаетъ напр. о Письмахъ Русскаго Офицера, Ѳ. Глинки, которыя вышли въ свѣтъ гораздо послѣ Писемъ Карамзина, но прежде его Исторіи, въ отношеніи къ языку не уступаютъ Письмамъ Карамзина, и въ свое время имѣли не менѣе читателей? Почему не упоминаетъ онъ о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ въ такихъ родахъ словесности, въ которыхъ не упражнялись поименованные имъ писатели, напр. о военно-историческихъ сочиненіяхъ Генерала М.-Данилевскаго, о трудахъ Автора Писемъ о Богослуженіи и Путешествія къ Св. Мѣстамъ, объ Энциклопедіи Права Проф. Неволина, которую приняли съ уваженіемъ и въ чужихъ краяхъ, гдѣ такъ мало читателей на Русскія книги?

Рецензентъ продолжаетъ: „почему же, спросятъ насъ, »мы говоримъ все о языкѣ литературы, а не о языкѣ »народа? По самой простой причинѣ: масса народа »отстала отъ образованнаго общества, и языкъ ея сдѣ»лался для общества слишкомъ бѣднымъ и неудовлетво»рительнымъ: вѣдь не у всякого же достанетъ духа объ»ясняться *маленько-мужицкимъ* слогомъ."

Согласимся съ Рецензентомъ, что онъ не говоритъ о языкѣ Русскаго народа по самой простой причинѣ, и что эта причина точно та, которую онъ приводитъ, если онъ намъ докажетъ, что когда нибудь и гдѣ нибудь, въ древней-ли Греціи, въ древнемъ-ли Римѣ, въ позднѣйшее-ли время въ Германіи, во Франціи и въ Англіи, масса народа шла вровень съ образованнымъ обществомъ и говорила одинакимъ съ нимъ языкомъ; если онъ намъ докажетъ, что языкъ Русскаго народа болѣе имѣетъ различія отъ языка образованныхъ людей, нежели *patois* французскаго крестьянина и Platt-Deutsch нѣмецкаго, отъ языка образованныхъ Французовъ и Нѣмцовъ. Согласимся съ Рецензентомъ, что не у всякаго достанетъ духа объясняться *маленько-мужицкимъ* слогомъ, если онъ намъ докажетъ, что не изъ этого *слога* заимствованы стихи, которые онъ приводитъ на слѣдующей страницѣ:

Степь раздольная,
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ - травой
Разстилается!
Ахъ, ты степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю Черному
Понадвинулась!

»На какомъ другомъ языкѣ" говоритъ тотъ же Рецензентъ „передали бы вы поэтическую прелесть этихъ »выраженій покойнаго Кольцова о степи: *разстилается,* »*пораскинулась, понадвинулась?*"

Согласимся съ нимъ въ справедливости и похвалы, которая слѣдуетъ за стихами, и даже насмѣшки надъ языкомъ народа, которая имъ предшествуетъ, если Рецензентъ скажетъ намъ, какъ онъ изучалъ Русскій народъ и его языкъ, въ пословицахъ-ли, въ пѣсняхъ-ли его? или во множествѣ Историческихъ Актовъ, сдѣлавшихся извѣстными попеченіемъ Правительства? Въ этихъ-ли любопытныхъ Актахъ, гдѣ народъ Русскій постоянно является крѣпкимъ духомъ и тѣломъ, смышленнымъ, привязаннымъ къ родному пепелищу, къ могиламъ отцовъ, къ вѣрѣ предковъ, къ законной власти, хотя и вовлекался иногда въ заблужденіе людьми, которые, при первомъ его отрезвленіи, первые платили ему своими головами за нарушеніе его спокойствія и за ужасы междоусобной войны. Пусть скажетъ намъ Рецензентъ, въ какихъ мѣстностяхъ изучалъ онъ этотъ народъ, который ни узнавать, ни перевоспитывать нельзя изъ глубины кабинета, и не выходя изъ халата и бархатныхъ сапогъ. Гдѣ изучалъ онъ его нравы и обычаи, безъ которыхъ непонятны и языкъ его, и пословицы, и пѣсни, и суевѣрія? Гдѣ сближался онъ съ этимъ народомъ, который представляетъ такъ много любопытныхъ

оттѣнковъ, глядя по тому, гдѣ долго тяготѣло иго Монголовъ, гдѣ владычествовали Литва и Поляки, или гдѣ не видали никакой пришлой власти? Съ этимъ народомъ, который не только въ крайнихъ предѣлахъ Государства, но и въ средней полосѣ, носитъ на себѣ столько отпечатковъ различныхъ своихъ занятій и промысловъ, дѣлающихъ непохожими между собою торговаго Ярославца, приволжскаго бурлака, Владимірскаго фабриканта и Орловскаго хлѣбопашца?

„Да, благодаря уже самому свойству русскаго языка (продолжаетъ Рецензентъ О. З.), поэзія природы, »поэзія чувствъ и мыслей, не ознаменованныхъ ни печатію абстракціи, ни печатію общественности, навсегда »установилась у насъ Пушкинымъ, и языкъ для нея »вполнѣ выработался, — такъ-что дальнѣйшій прогрессъ »для языка будетъ уже не столько со стороны формы, »сколько со стороны содержанія. Но такой прогрессъ »возможенъ не только для юнаго русскаго языка, еще »далеко не во всѣхъ отношеніяхъ вышедшаго изъ пеленъ, но и для вполнѣ-развивавшагося слишкомъ два вѣка »назадъ французскаго языка. Каждый вновь появляющійся великій писатель открываетъ въ своемъ родномъ »языкѣ новыя средства для выраженія новой сферы созерцанія. Такъ, на-пр., въ грамматическомъ отношеніи, »нѣтъ почти никакой разницы между языкомъ Руссо и »Жоржа-Занда; но за то, какая разница между тѣмъ »и другимъ языкомъ въ-отношеніи къ ихъ содержанію! »Въ этомъ отношеніи, благодаря Лермонтову, русскій »языкъ далеко подвинулся впередъ послѣ Пушкина, и »такимъ-образомъ онъ не перестанетъ подвигаться впередъ до-тѣхъ-поръ, пока не перестанутъ на Руси являться великіе писатели.

»Но за то, какъ еще бѣденъ русскій языкъ для выраженія предметовъ науки, общественности, — словомъ,

»всего отвлеченнаго, всего цивилизованнаго, глубоко и »тонко-развитаго, даже ежедневныхъ житейскихъ отно»шенiй! И причина этой бѣдности заключается, къ не»счастiю, не въ томъ только, что русскiй языкъ молодъ, »неразвитъ, не обработанъ, но еще и въ историческомъ »развитiи русскаго народа. Какъ богаты передъ нимъ, »въ этомъ отношенiи, языки народовъ Западной-Ев»ропы!—А почему?—Потому, что они образовались боль»шею частiю изъ обломковъ латинскаго, черезъ который »приняли въ себя не малое число даже греческихъ словъ. »Исключенiе остается за нѣмецкимъ языкомъ, какъ само»стоятельнымъ; а попробуйте исключить изъ него всѣ »взятыя Нѣмцами латинскiя и греческiя слова, — и вы »увидите, какъ страшно обѣднѣетъ онъ. Вмѣстѣ съ сло»вами искаженнаго латинскаго языка, тевтонскiе варва»ры взяли отъ Римлянъ и тѣ понятiя, тѣ идеи, кото»рыя могла породить и развить только гуманическая клас»сическая древность, и которыя не могли бы инымъ пу»темъ достаться варварамъ. Отъ-этого, на-пр., француз»скiй языкъ такъ богатъ словами, которыя заключаютъ »въ себѣ философскiй смыслъ, и которыя, не смотря на »то, употребляются въ самомъ простомъ житейскомъ раз»говорѣ: *субъектъ, объектъ, индивидуумъ, индивидуаль»ный, абсолютный, субстанцiя, субстанцiяльный, конкрет»ный, универсальный, абстрактный, категорiя, рацiона»лизмъ, рацiональный, обскурантизмъ, индеферентизмъ, »спецiальный, спецiализмъ, коллизiя*: всѣ эти слова счи»таются у насъ книжными, смѣшными, дикими, и на»влекаютъ на себя глумленiе невѣждъ, если употребля»ются и не въ разговорѣ, а въ разсужденiяхъ объ ум»ственныхъ предметахъ. Оно отчасти и понятно: ихъ не »было въ русскомъ языкѣ, потому что въ русской ци»вилизацiи до Петра-Великаго не было выражаемыхъ

»ими понятій, а во Французскомъ языкѣ они существу-»ютъ, какъ весьма-обыкновенныя слова: *l'objet*, *le sujet*, »*l'individu*, *individuel*, *l'individualité*, *absolu*, *la substance*, »*substantiel*, *concret*, *universel*, *l'universalité*, *abstrait*, *la* »*catégorie*, *le rationalisme*, *rationnel*, *l'obscurantisme*, *l'indif-*»*férentisme*, *le spécialisme*, *la collision*.... такихъ словъ »мы не перечли здѣсь и сотой доли.“

Согласимся съ Рецензентомъ, что если Руссо написалъ la profession de foi du Vicaire Savoyard, то по закону прогресса Жоржъ-Зандъ можетъ оставить его далеко назади, что Лермонтовъ въ иномъ могъ уйти далѣе Пушкина, и что могутъ найтиться великіе писатели, которые захотятъ опередить и Лермонтова. Согласимся съ нимъ въ томъ, что понятій, выражаемыхъ словами *субстанціальный*, *абстрактный*, *обскурантизмъ*, *индиферентизмъ*, *спеціализмъ* и пр. не было въ Русской цивилизаціи *до Петра Великаго*, хотя послѣ онѣ имѣли довольно времени войти въ нее вмѣстѣ со многими другими понятіями. Согласимся и въ томъ, что приведенныя рецензентомъ слова, *заключающія въ себѣ философскій смыслъ*, употребляются у Французовъ *въ самомъ простомъ* житейскомъ разговорѣ, но согласимся на слѣдующихъ условіяхъ: a) если онъ скажетъ намъ, съ какого времени у Французовъ, всегда отличавшихся любезностію въ своемъ общежитіи, и въ какихъ *салонахъ*, au Marais, à la Chaussée d'Antin, или въ предмѣстіи St.-Germain, ему случилось слышать, чтобъ можно было, не будучи скучнымъ и смѣшнымъ педантомъ, говорить *въ самомъ простомъ житейскомъ* разговорѣ *о субстанціи*, объ *абсолютномъ*, *абстрактномъ и конкретномъ*? b) Если слова *обскурантизмъ*, *индиферентизмъ*, *спеціализмъ* и выражаемыя ими понятія, онъ найдетъ не только въ *обломкахъ латинскаго языка* и въ идеяхъ *порожденныхъ гуманическою классическою древностію*, переданныхъ *тевтонскими варварами* Французамъ, но въ Латинскихъ лексиконахъ, или въ Французскомъ лексиконѣ Академіи послѣдняго изданія 1835 года. c) Если Рецензентъ докажетъ намъ, что за исключеніемъ этихъ словъ

остальныя, конечно для философскихъ разсужденій, а не для *самаго простаго житейскаго* разговора, не льзя перевести: *субъектъ*, — подлежащее, *объектъ* — предлежащее, предметъ, *индивидуумъ* — личность, недѣлимое, *индивидуальный*, — личный, *субстанція* — сущность, *субстанціальный* — сущный, *универсальный* — всеобщій, *абстрактный* — отвлеченный, *категорія* — разрядъ, *коллизія* — столкновеніе.

»Всѣ *такія слова* мы по-неволѣ должны брать цѣ»ликомъ у иностранцевъ; многія *изъ нихъ* совершенно об»русѣли, и мы такъ привыкли къ нимъ, *что какъ»будто* и не считаемъ ихъ за чужія: *коммерція*, *моно»полія*, *манифестъ*, *декларація*, *прокламація*, *инстинктъ*, »*фабрика*, *мануфактура*, *брильянтъ*, *поэзія*, *проза*, *музы»ка*, *гармонія*, *мелодія*, *администрація*, *губернія*, *мастеръ*, »*мастерство*, *маляръ*, *кучеръ*, *солдатъ*, *офицеръ*, и пр. и пр. »и пр. Такихъ словъ мы не исчислили здѣсь и тысяч»ной доли.«

Согласимся съ Рецензентомъ, что не только *фабрика*, *губернія*, *маляръ*, *кучеръ*, *мастеръ*, *мастерство*, но даже *подмастерье*, *смастерить*, суть слова иностранныя, которыя мы *какъ будто* не считаемъ за чужія, также какъ и старшихъ братьевъ ихъ Азіатскаго происхожденія: ясакъ, ерлыкъ, аргамакъ, халатъ и пр. Согласимся, — если онъ докажетъ намъ, что тѣ, чьи предки выѣхали въ XIV столѣтіи *отъ Нѣмецъ* и изъ Золотой Орды къ Димитрію Іоанновичу Донскому, и досѣлѣ не Русскіе, а иностранцы, хотя 500 лѣтъ исповѣдаютъ Православную вѣру, говорятъ Русскимъ языкомъ, служатъ и пользуются всѣми правами гражданства. Согласимся, если онъ основательнымъ образомъ опровергнетъ слѣдующія слова покойнаго Шимкевича, который, можетъ быть, писалъ менѣе Рецензента О. З., но навѣрно болѣе его изучалъ Русскій языкъ: »При разсмотрѣніи языка въ цѣломъ его объемѣ, слова можно »сравнить съ жителями государства, изъ которыхъ одни счи-

»таются коренными туземцами, другіе — переселенцами, дав»шими присягу на подданство, а иные — временно прожи»вающими иностранцами. Сообразно съ этимъ всѣ слова, упо»требляемыя въ Русскомъ языкѣ, я раздѣляю на *племенныя*, »*усвоенныя* и *пришлыя*. Первыя изъ нихъ принадлежатъ намъ »съ незапамятныхъ временъ и, составляя основу Русскаго язы»ка, служатъ всегдашнимъ памятникомъ нашего родства съ »разрозненными народами великаго Славянскато племени; вто»рыя, по давности употребленія, до того сроднились съ нашимъ »языкомъ, что признаки чужаго происхожденія почти изглади»лись на нихъ и открываются не иначе, какъ при посред»ствѣ изслѣдованія; къ этому отдѣлу относятся слова, остав»шіяся у насъ отъ народовъ, которые были въ ближайшемъ »сношеніи съ нашими предками и которые давно вошли въ »составъ Руси, какъ напр. многіе изъ Финскихъ племенъ и пе»реселившіеся къ намъ Скандинавы. Что касается послѣднихъ »словъ, т. е. пришлыхъ, то они обязаны своимъ употребленіемъ »прихоти людей, не обращающихъ вниманія на отечественный »языкъ, чужеземности самыхъ предметовъ, а болѣе всего не»брежности сочинителей и переводчиковъ, избѣгающихъ труда — »заглянуть въ богатую сокровищницу роднаго языка. Впрочемъ »нѣкоторые утверждаютъ, что принятіе чужихъ словъ нимало »не предосудительно и не унижаетъ чести никакого народа. »Но если это такъ: то охраненіе отечественнаго языка отъ »разнородной примѣси словъ, употребляемыхъ народами совер»шенно другаго племени, поставляетъ народъ выше всѣхъ по»хвалъ. Замѣтимъ, что народъ, начиная сознавать достоинство »своей письменности, старается очистить языкъ отъ чуже»земной примѣси, и находитъ въ немъ слова къ выраженію »новыхъ понятій. Мы, кажется, близки къ тому времени, когда »нашъ языкъ очистится отъ накопившейся въ немъ примѣси (1).«

»Во французскомъ языкѣ« продолжаетъ Рецензентъ, »остается множество словъ, въ значеніи которыхъ мы »не можемъ не нуждаться, но которыхъ, въ то же вре-

(1) См. Корнесловъ Русскаго языка. Спб. 1842. Пред. стр. VI.

»мя, не можемъ ни перевести (потому-что у насъ нѣтъ »соотвѣтствующихъ имъ словъ), ни взять цѣликомъ, (по- »тому-что они какъ-то не вошли сами въ нашъ языкъ). »Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ мы по-неволѣ мѣшаемъ »въ свой русскій разговоръ, къ величайшему неудоволь- »ствію пуристовъ, которыхъ ограниченность не видитъ »въ нихъ нужды; таковы: *compromettre*, *solidarité*, *alter- »native*, *charité*, *exagérer*, *se prononcer*, *prétendre*, *concep- »tion*, *garantir*, *garantie*, *exploiter*, *initier*, *initiation*, *ini- »tiative*, *varier*, *remonter*, *prépondérance*, *chance*, *camarade- »rie*, *association*, *attribut*, *étaler*, *détailler*, *assortir*, *revanche* »и пр. (*компрометтировать*, *эксажерировать*, *прононсиро- »ваться*, *претендовать*, *концепція*, *гарантировать*, *эксплуа- »тировать*, *варіировать*, *ремонтировать*, *препондерансъ*, »*шансъ*, *ассосіяція*, *аттрибутъ*, *эталировать*, *детальиро- »вать*, *сортировать*, *реваншъ*).«

Согласимся съ Рецензентомъ О. З. въ томъ, что одна ограниченность пуристовъ можетъ не видать нужды въ приведенныхъ имъ словахъ для обогащенія Русскаго языка. Согласимся, что правы тѣ, которые не хотятъ, чтобъ *фрази пахла книгою*, и кругомъ виноваты тѣ, которые боятся, чтобъ отъ книги не запахло площадью, но съ тѣмъ только согласимся, если онъ докажетъ намъ, что вѣрное средство выкурить этотъ ненавистный запахъ книги, есть то, чтобъ ввести въ разговорный языкъ такія слова какъ *индивидуумъ*, *субстанція*, *конкретный*, *абстрактный*. Согласимся съ нимъ, что наши мѣстоименія *такія длинныя*, наши причастія *такъ долговязы*, и что, по выраженію Пушкина,

Доселѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ,

если онъ докажетъ намъ, что проза наша сдѣлается настоящею почтовою когда введутся въ нее такія слова, какъ *препондерансъ*, *компрометтировать*, *эксажерировать*, *прононсироваться*.

Далѣе: »Нѣчего говорить о богатствѣ французской »фразеологіи, о гибкости французскаго языка, способна»го на выраженіе всевозможныхъ тонкостей и оттѣнковъ »мыслей. Выписанныя нами выше слова важны еще и »по опредѣленносги, съ какою выражаютъ они заклю»ченное въ нихъ понятіе: по-этому, многія изъ нихъ »можно бы перевести, да только переводъ будетъ нето»ченъ—то же да не то. Такъ, на пр., *charité* можно пере»вести словомъ *милосердіе*, а будетъ не то: схвачено по»нятіе, но потеряны нѣкоторые оттѣнки его.«

Жалокъ тотъ народъ, несовсѣмъ полудикій, который живетъ и не имѣетъ въ своемъ языкѣ сло́ва, для выраженія вполнѣ понятія заключающагося въ словѣ *charité*.

Если вѣрить Рецензенту, то этотъ народъ не можетъ читать на своемъ языкѣ слѣдующихъ словъ:

»Quand je parlerois toutes les langues des hommes, et »le langage des anges mêmes, si je n'ai point la charité, je »ne suis que comme un airain sonnant et une cymbale re»tentissante.

»Et quand j'aurois le don de prophétie, que je péné»trerois tous les mystères, et que j'aurois une parfaite sci»ence de toutes choses; quand j'aurois encore toute la foi »*possible*, jusqu'à transporter les montagnes, si je n'ai point »la charité, je ne suis rien.

»Et quand j'aurois distribué tout mon bien *pour nourrir* »*les pauvres*, et que j'aurois livré mon corps pour être brû»lé, si je n'ai point la charité, tout cela ne me sert de rien.

....

»Maintenant ces trois *vertus*, la foi, l'espérance, et la »charité demeurent; mais entr' elles la plus excellente est la »charité.»

И въ другомъ мѣстѣ: »Les fruits de l'esprit au contraire, sont la charité, la joie, la paix, *la patience*, l'humanité, la bonté, la longanimité.

»La douceur, la foi, *la modestie*, la continence, *la chas*»*teté*. Il n'y a point de loi contre ceux qui vivent de la sorte.«

Однакожь, этотъ народъ — мы, Русскіе. Эти слова — Апостола Павла. Наши единоплеменники, около 1000 лѣтъ тому назадъ, по чудному устроенію Промысла Божія, получили отъ Кирилла и Меѳодія, вмѣстѣ съ своей азбукою, и переводъ этихъ словъ. Вотъ какъ онѣ читаются и нынѣ въ Славянскомъ и въ Русскомъ переводѣ Апостола:

Аще ѧзыки чл҃вѣческими глаголю и агг҃лскими, любве же не имамъ, быхъ (ѧко) мѣдь звенѧщи, или кѵмвалъ звѧцаѧй.	Естьли я говорю языками человѣческими и Ангельскими, а любви не имѣю: то я мѣдь звучащая, или кимвалъ звенящій.
И аще имамъ прр҃очество, и вѣмъ тайны всѧ и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, ѧко и горы преставлѧти, любве же не имамъ, ничто же есмь.	Естьли имѣю *даръ* пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всѣ познанія, и всю вѣру, такъ что *могу* и горы переставлять, а не имѣю любви: то я ничто.
И аще раздамъ всѧ имѣніѧ моѧ, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никаѧ польза ми есть.	И естьли я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю: то сіе ни къ чему не послужитъ мнѣ.

Ны́нѣ же пребыва́ютъ вѣ́ра, наде́жда, любы̀, три сїѧ̑: бо́льши же си́хъ любы̀.

1 *Кор. XIII. 1. 2. 3. 13.*

А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше.

Пло́дъ же духо́вный е́сть любы̀, ра́дость, ми́ръ, долготерпѣ́нїе, бла́гость, милосе́рдїе, вѣ́ра,

Напротивъ того, плоды духа суть: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра,

Кро́тость, воздержа́нїе: на таковы́хъ нѣ́сть зако́на.

Гал. V. 22. 23.

Кротость, воздержаніе. Для таковыхъ нѣтъ закона.

Латинскій переводъ Вульгаты:

Si linguis hominum loquar et angelorum, charitatem autem non habeam, factus sum velut æs sonans, aut cymbalum tinniens.

Et si habuero prophetiam, et noverim mysteria omnia et omnem scientiam, et si habuero omnem fidem ita ut montes transferam, charitatem autem non habuero, nihil sum.

Et si distribuero *in cibos pauperum* omnes facultates meas, et si tradidero corpus meum ita ut ardeam, charitatem autem non habuero, nihil mihi prodest.

Нѣмецкій переводъ Мар. Лютера:

Wenn ich mit menschen=und mit engelzungen redete, und hätte der Liebe nicht; so wäre ich ein tönendes erz, oder eine klingende schelle.

Und wenn ich weissagen könnte, und wüßte alle geheimnisse, und alle erkenntniß, und hätte allen glauben, also, daß ich berge versetzte, und hätte der Liebe nicht; so wäre ich nichts.

Und wenn ich alle meine habe den armen gäbe, und ließe meinen leib brennen, und hätte der Liebe nicht; so wäre mir es nichts nütze.

Nunc autem manent fides, spes, charitas, tria hæc; major autem horum est charitas.

Nun aber bleibt glaube, hoffnung, liebe, diese drey; aber die Liebe ist die grösseste unter ihnen.

(ad Cor. I. XIII. 1, 2, 3, 13. — Vulgatæ versionis editio Clero Gallicano dicata. Parisiis. Amb. Didot. M.DCC.LXXXV.)

Fructus autem spiritûs est, charitas, gaudium, pax, *patientia*, benignitas, bonitas, longanimitas, mansuetudo, fides, *modestia*, continentia, *castitas*.

Die frucht aber des geistes ist liebe, freude, friede, geduld, freundlichkeit, gütigkeit, glaube, sanftmuth, keuschheit.

Adversùs hujusmodi non est lex. (*).

Wider solche ist das gesetz nicht.

(ad Gal. V. 22. 23. *ibid.*)

Французское слово *charité* есть точный переводъ Латинскаго *charitas*, отъ коего оно и происходитъ. — Въ Греческомъ текстѣ стоитъ *ἀγάπη*, въ Нѣмецкомъ переводѣ die Liebe: въ Славянскомъ *любы*, въ Русскомъ *любовь*. Съ чего же взялъ Рецензентъ О. З., что слово *charité*, »одно изъ множе»ства тѣхъ, въ значенiи которыхъ мы не можемъ не нуж»даться, но которыхъ, въ то же время, не можемъ ни »перевести (потому-что у насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ »имъ словъ), ни *взять цѣликомъ*, (потому-что они *какъ»то не вошли сами* въ нашъ языкъ)?« Съ чего онъ взялъ, »что можно перевести его словомъ *милосердiе*, а будетъ не »то: схвачено понятiе, но потеряны нѣкоторые оттѣнки его?«

(*) *Прим.* Слова, означенныя курсивомъ въ выпискѣ изъ Латинской Вульгаты и Французскаго перевода ея, суть тѣ, коихъ нѣтъ въ Греческомъ подлинникѣ и Славянскомъ переводѣ. Лютеране и Реформаты ихъ также не принимаютъ, какъ можно видѣть изъ Нѣмецкаго перевода Мар. Лютера. См. также Biblia Latina ab Em. Tremellio et Fr. Junio. Hanov. 1624 in fol. — La Sainte Bible par J. F. Ostervald. Neuchâtel, 1744 in fol. — The holy Bible, translated out of the original tongues. — Cambridge stereotype edition.

Колеблемся въ довѣріи къ филологическимъ свѣдѣніямъ Рецензента. Однако-же думаемъ, не измѣнился-ли нынѣ во Французскомъ языкѣ смыслъ слова *charité*? и пріискиваемъ его въ послѣднемъ изданіи (1835) Лексикона Французской Академіи, которая должна знать точный смыслъ и употребленіе Французскихъ словъ не хуже Рецензента О. З. — Тамъ мы читаемъ:

»CHARITÉ. s. f. L'une des trois vertus théologales: amour »par lequel nous aimons Dieu comme notre souverain bien. »*La charité couvre la multitude des péchés*, etc.

»Il signifie également, L'amour qu'on a pour le pro»chain en vue de Dieu. *La charité des premiers chrétiens.* »*Charité fraternelle*, etc.

»Il signifie plus particulièrement, Aumône qu'on donne »aux pauvres; *et dans ce sens il a un pluriel.*

»CHARITÉ, se dit encore, *absolument*, d'Une congréga»tion de personnes pieuses qui se vouent au soulagement »des pauvres et des malades. *Les sœurs de la Charité.* »*Frères de la Charité.*

»Il se dit, par extension, de Certains hôpitaux où les »malades sont soignés par des sœurs de la Charité. *S'il* »*tombe malade, il se fera porter à la Charité*, etc.

»*Bureau de charité*, Lieu où l'on fait des distributions »de secours aux indigents, et où s'assemblent les commissai»res des pauvres. Il se dit également de la réunion de ces »commissaires.«

Неужели отъ того, что членовъ извѣстнаго благотворительнаго Общества у насъ привыкли называть *Сестрами Милосердія*, можно отнять у слова *charité* коренной смыслъ его, тотъ, который оно имѣетъ и по Латинской этимологіи своей и въ Священномъ Писаніи?

Послѣ этого не вѣримъ, чтобъ Рецензентъ О. З. хорошо зналъ Французскій языкъ; не вѣримъ, чтобъ онъ хорошо зналъ и Русскій.

Не вѣримъ ему, когда онъ говоритъ, что Русскій языкъ »еще далеко не во всѣхъ отношеніяхъ вышелъ изъ пеленъ,«

что »онъ еще бѣденъ для выраженія предметовъ обще»ственности, даже ежедневныхъ житейскихъ отношеній!« И въ доказательство противнаго, просимъ его перевести намъ слѣдующія слова, *дѣйствительно употребляемыя въ самомъ простомъ житейскомъ разговорѣ*, каждое однимъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ ему Французскимъ словомъ: *доброхотъ, руководство, мудрованіе, чуткій, дѣльный, уклончивый, находчивый, настойчивый, уступчивый, разборчивый, прозорливый, привольный, самостоятельный, дальновидный, подобострастный, необъятный, напутствовать, обличать, сплошь, дыбомъ, стремглавъ, опрометью, на-перекоръ, на-оборотъ*, къ которымъ, если бы нужно, можно присоединить и много другихъ.

Не вѣримъ Рецензенту О. З., когда онъ говоритъ, что „Русскій языкъ еще бѣденъ для выраженія предметовъ науки, „общественности, — словомъ, всего отвлеченнаго, всего циви„лизованнаго, глубоко и тонко-развитаго.“ Торжественнымъ опроверженіемъ этихъ словъ служатъ у насъ Богословіе, Проповѣдь, Исторія, Философія, даже Шеллинга и Окена, которую нашлось возможнымъ передать намъ на нашемъ языкѣ, Правà, Политическая экономія и Теорія Финансовъ, по которымъ есть оригинальныя Русскія сочиненія, но въ особенности науки Естественныя и Медицина, въ которыхъ, благодаря нашимъ ученымъ, вся Греко-Латинская терминологія Французовъ вполнѣ замѣнена чисто-Русскими словами, не смотря на то, что наши Врачебные Профессоры, нѣкоторые предметы по чувству приличія, какъ напр. Анатомію и Родовспомогательную науку, а другіе по чувству человѣколюбія, какъ напр. Клиническія лекціи, читаютъ на Латинскомъ языкѣ.

Не вѣримъ Рецензенту О. З., когда онъ называетъ Французскій языкъ »вполнѣ развившимся два вѣка назадъ.« — Далекъ еще былъ онъ тогда отъ полнаго развитія своего, судя по тому, что онъ пріобрѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ указываетъ намъ исторія его и какъ говоритъ Французская Академія въ предисловіи къ послѣднему изданію ея Лексикона: »On sait, »au reste, que rien n'est plus trompeur que la date apparente »des mots. Quelques-uns, dont il semble qu'on n'a jamais dû se

»passer, sont d'invention assez récente; et quelques autres, dont »l'idée, pour ainsi dire, n'existait pas dans les mœurs, ont »reçu des écrivains une existence anticipée. *Désintéressement*, »*exactitude*, *sagacité*, *bravoure*, ne furent rétablis ou intro»duits qu'assez tard dans le dix-septiéme siècle. *Savoir-faire*, »selon le P. Bouhours, est un terme tout nouveau, »qui ne »durera pas et est peut-être déjà passé;« et au mot *effer*»*vescence*, madame de Sévigné se récrie: »Comment dites-vous »cela, ma fille? Voilà un mot dont je n'avais jamais ouï »parler.« D'autre part, *démagogue*, terme peu nécessaire »sous Louis XIV, était hasardé par Bossuet et resta long»temps sans usage.«

Въ Ломоносовскую эпоху Русскаго языка, Вольтеръ, для котораго не было ничего ни святаго, ни священнаго, говорилъ о своемъ языкѣ, признавая его бѣднымъ и нуждающимся въ новыхъ словахъ: »notre langue est une gueuse fière, à la»quelle il faut faire l'aumône malgré elle.« А вотъ какъ въ Пушкинскую эпоху нашу (1831) извѣстный Французскій филологъ Ноель, посвятившій всю жизнь свою изученію Французскаго языка, говоритъ о богатствѣ его въ своей *Philologie Française*: »Depuis quarante ans, le retour des assemblées »nationales, l'affluence qu'elles ont amenée des provinces dans »la capitale, les secousses et les mutations politiques, le be»soin de rendre des idées et des méditations nées des cir»constances; les développemens rapides du commerce et de »l'industrie, les progrès des sciences et des arts, ont fait »entrer dans la langue une foule de mots et de locutions »nouvelles. L'idiôme s'est enrichi sous plus d'un rapport; mais »toutes ces acquisitions sont-elles de véritables richesses? »méritent-elles à un égal degré l'approbation des esprits »éclairés et la sanction de l'usage? On ne peut disconvenir »qu'avec le volume d'eaux qui ont grossi son cours, le fleuve »ne roule un peu de limon? Qui pourra rendre à ses »ondes leur limpidité? Quelle main habile et sûre fera le

»départ de l'or et de l'alliage? L'époque actuelle n'est peut-»être pas la plus favorable pour mettre à fin cette péril-»leuse entreprise. Nous serions heureux de penser que notre »travail pourra du moins éveiller l'attention sur *l'état cri-»tique* de la langue et sur la nécessité d'opposer une digue »*à la barbarie qui la menace.*

»C'est sans doute au corps littéraire, chargé spéciale-»ment d'en maintenir la pureté et la dignité, qu'appartient »ce soin plus important qu'on ne pense; car *les mots ont »sur les choses une puissance influente*, et les uns ne peu-»vent s'altérer ou se corrompre, sans que les autres se »faussent ou se dénaturent.«

Этому-ли богатству намъ велятъ завидовать? Изъ этого-ль источника велятъ намъ черпать для очищенія нашего языка, и *брать цѣликомъ* слова̀, которыхъ даже нѣтъ во Французскихъ лексиконахъ?

Не вѣримъ Рецензенту О. З., когда онъ говоритъ, что Русская литература въ лицѣ Гоголя »обратилась преимущественно къ изображенію русскаго общества.« Фонъ-Визинъ могъ сказать, что онъ изобразилъ Русское общество своего времени, потому что, выставивъ на позоръ уродовъ своей эпохи, Простаковыхъ, Скотининыхъ, онъ далъ зрителю или читателю отдохнуть на характерахъ Стародума, Софьи, Милонова, Правдина и даже Цыфиркина, котораго представилъ смѣшнымъ, но не гнуснымъ. Грибоѣдовъ и Гоголь показали намъ однѣ каррикатуры. Если они хотѣли составить нравственно-патологическую коллекцію уродовъ, то вполнѣ успѣли. Если же это изображеніе нынѣшняго Русскаго общества, то любопытно, въ комъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Грибоѣдова и въ романѣ Гоголя, — а ихъ довольно много, — Рецензентъ захочетъ узнать себя, своего отца, мать, брата или сестру? Неужели мы Русскіе должны такъ мало уважать въ себѣ человѣчество, такъ мало сознавать въ себѣ *человѣческаго* и *національнаго* достоинства, что при всякой выставкѣ каррикатуръ должны хлопать въ ладоши и съ восхищеніемъ кричать: это мы! это мы! похожи! похожи какъ

двѣ капли воды! — Преувеличенною находимъ мы и похвалу Гоголю, когда Рецензентъ говоритъ о немъ: »Гоголь далъ на»правленіе прозаической литературѣ нашего времени, какъ »Лермонтовъ далъ направленіе всей стихотворной ли»тературѣ послѣдняго времени. И направленіе, данное »Гоголемъ, *особенно плодотворно для литературы и для »языка*, которые *по этому учатся* и научатся хорошо »говорить о простыхъ вещахъ, и уже не поучать, какъ »прежде, торжественно и важно публику, а бесѣдовать »съ нею.« Языкъ Гоголя имѣетъ неоспоримо свою прелесть, и совершенно соотвѣтствуетъ избранной авторомъ цѣли, описать со всѣми подробностями путешествіе подлеца Чичикова съ его кучеромъ Селифаномъ и слугой Петрушкой, для открытія Маниловыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, Плюшкиныхъ и пр.; но, отнимите неподражаемый талантъ Гоголя, какъ первоклассного живописца въ родѣ Каллота и Гогарта, и что такое будутъ тѣ *простыя вещи*, о которыхъ литтература и языкъ *по этому учатся и научатся хорошо говорить?*

Не вѣримъ Рецензенту, когда онъ говоритъ, что языкъ Крылова »*во сто разъ выше* языка Карамзина.« — Нѣтъ цифръ для опредѣленія сравнительнаго достоинства тамъ, гдѣ предметы, по совершенной разнородности своей, не допускаютъ возможности сравненія. Не вѣримъ ему, когда онъ говоритъ о языкѣ Карамзина »а онъ ужь и состарѣлся!« Не состарѣется этотъ языкъ, согрѣтый пламенной любовью къ отечеству и тогда, когда мы будемъ читать полную Исторію Россіи, XVII и XVIII столѣтій, болѣе положительную и ясную въ политическомъ отношеніи, но лишенную поэзіи тѣхъ временъ, которыя описывалъ Карамзинъ.

Не думалъ Карамзинъ, оставляя намъ Исторію Государства Россійскаго, что въ то самое время, какъ будетъ открываться памятникъ, воздвигнутый ему благодарностію Монарха и соотчичей, Русскій Рецензентъ заключитъ свою дань похвалы и *если хотите удивленія* его языку этими словами: »но намъ *и даромъ не нужно* карамзинскаго языка, если въ немъ должно видѣть совершенно-установившійся языкъ русскій.«

Можно нападать на современниковъ граматоѣдовъ, но такъ фамиліарно не обходятся съ памятью знаменитыхъ людей (*).

Не думалъ Карамзинъ, посвятивши болѣе двадцати лѣтъ своей жизни на труженическій подвигъ свой, что менѣе двадцати лѣтъ послѣ его смерти мы будемъ читать въ Русскомъ Журналѣ слѣдующія слова критика, осыпающаго насмѣшками огромный, добросовѣстный и благонамѣренный трудъ, имѣвшій предметомъ одну изъ важнѣйшихъ задачь въ исторіи всякаго народа — опредѣленіе его происхожденія и родоначальниковъ.

Вотъ эти слова: »Положимъ, что Байеръ и Шлёцеръ »правы, что Варяго-Руссы пришли изъ Скандинавіи: »яснѣе ли отъ этого, хоть на волосъ, первый періодъ »русской исторіи?...
....

»Гдѣ же другіе слѣды вліянія скандинавскаго происхожденія Варяго-Руссовъ на нравы, обычаи, характеръ, умъ, »*фантазію*, законодательство и другія стороны славян»ской народности Новогородцевъ? Пока—ихъ еще не отъ»искано, а о нихъ-то прежде всего и слѣдовало бы поза»ботиться Шлёцеру и его послѣдователямъ. И такъ, что »же намъ въ томъ, что къ нашимъ предкамъ пришли »Шведы, а не другой какой-нибудь народъ, напримѣръ, »не Японцы?

---

(1) Столько же странны, слѣдующія слова: „Пушкинъ на„чалъ съ того, что написалъ эпиграмму на Карамзина, со„вѣтуя ему лучше докончить *Илью Богатыря,* нежели при„ниматься за исторію Россіи; а кончилъ тѣмъ, что одно „изъ лучшихъ своихъ произведеній написалъ подъ вліяні„емъ этого историка и посвятилъ „драгоцѣнной для *Россі„янъ* памяти Николая Михайловича Карамзина *сей* трудъ, „геніемъ его вдохновенный.“ Не льзя не согласиться, что „есть что-то оффиціальное и канцелярское (!) въ самомъ „складѣ и языкѣ этого посвященія, написаннаго по Ломо„носовской конструкціи, съ завѣтнымъ „сей.“—О. З. 1845. „N 11. Критика, стр. 13.

»Теперь положимъ, что совершенно и несомнѣнно »правы Ниманъ и Эверсъ, — Варяги-Русь пришли изъ- »за Чернаго Моря: что̀ жь въ томъ, что пришли варвары »къ варварамъ, да и потонули въ ихъ народности, не оста- »вивъ въ ней никакого слѣда, словно канули на дно?....

»Теперь, положимъ, что Варяги-Русь пришли изъ »прибалтiйскаго Великаго-Кута, т. е. свои пришли къ сво- »имъ: чѣмъ же это лучше Скандинавовъ или Хозаръ, Нѣм- »цевъ или Татаръ (*)?"

Въ другомъ мѣстѣ: »Обратимся еще разъ къ Ломо- носову; но, избѣгая длинныхъ выписокъ, скажемъ про- сто, что Г. *N. N.*, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, въ »превеликомъ восторгѣ отъ того, что славянское имя »будто-бы прославилось еще въ началѣ VI столѣ- »тiя по Р. Х.; что вмѣстѣ съ другими варварами, Сла- »вяне способствовали разрушенiю Римской- Имперiи; и »что, по свидѣтельству Птоломея, Сармацiю одержали »*превеликiе Вендскiе народы*, которые были не кто другiе, »какъ наши предки—Славяне.... Положимъ, что все это »и такъ; но чему же тутъ радоваться? Древность Сла- »вянъ? — Но что̀ она передъ древностью Китайцевъ?— »молодость, просто молодость! Но еслибъ Славяне были »древнѣе самихъ Китайцевъ, что̀ жь въ этомъ? Совре- »менная намъ китайская цивилизацiя смѣшна, уродлива, »пошла; но, какъ окаменѣлый памятникъ цивилизацiи, »можетъ-быть, древнѣйшей, нежели цивилизацiя всѣхъ »другихъ историческихъ народовъ глубокой древности, »она интересна, поучительна, достойна глубочайшаго из- »ученiя. Что̀ же осталось намъ отъ древности Славянъ, »которые, положимъ, были уже *страшными головорѣзами*

(*) См. О. З. 1845. N 8. Критика, стр. 31 и 32.

»еще задолго до Птоломея? — ничего, ровно ничего!— »Такая древность и не стоитъ ничего, — и юность Рос- »сійской-Имперіи, существующей не болѣе полутора сто- »лѣтія, въ мильйонъ разъ лучше такой древности....« (*).

Рецензентъ можетъ тогда нападать на »мысль разгады- »вать и опредѣлять будущее народа, писать его програму,“— на желаніе »судить о будущемъ народа по его отдаленному »прошедшему, которое такъ оторвано даже отъ его настояща- »го,« — когда эти мысли и желанія переступаютъ за предѣлы Исторіи какъ науки; но что имѣютъ общаго эти новѣйшія мысли и желанія съ древнѣйшею частію Русской Исторіи? Почему Исторія Россіи съ XVIII вѣка не можетъ ужиться съ ея исто- ріей предшествовавшихъ столѣтій? И неужели можно себѣ по- зволить этотъ насмѣшливый тонъ, говоря о Шлёцерѣ, Эверсѣ, Ломоносовѣ? Мы можемъ забыть какъ они ссорились между собою, но ихъ труды, ежели бы ограничивались открытіемъ, обнародованіемъ, или разработкою древнѣйшихъ источниковъ на- шей Исторіи, то и тогда заслуживали бы уваженія.

Не вѣримъ Рецензенту О. З., когда онъ, сравнивая бѣдность Русской литтературы съ богатствомъ Французской, говоритъ: »А то вѣдь согласитесь сами—двѣ или три, много мно- »го-много пять порядочныхъ повѣстей въ годъ, романъ »въ иной годъ, да десятокъ Журналовъ, которые больше »чѣмъ на половину наполняются переводами, и изъ ко- »торыхъ развѣ только два удобны для чтенія, — согла- »ситесь, что такая литература, если только она и въ-са- »момъ дѣлѣ — литература, немного времени возьметъ »у самаго жаднаго до чтенія, но хотя немного-разборчи- »ваго читателя?«

Тѣмъ разительнѣе неосновательность этого страннаго ин- вентарія произведеній нашей словесности, что, не болѣе какъ за четыре мѣсяца предъ тѣмъ, тотъ же Журналъ извѣщалъ сво-

---

(*) См. О. З. 1845; N 8. Критика, стр. 37.

ихъ читателей, что вышли изъ печати »Слова и Рѣчи Пре-»священнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго.« — Неужели есть какая нибудь литтература, достойная этого имени, которая отвергаетъ подобныя произведенія или чуждается ихъ?

Не намъ принадлежитъ разсматривать по достоинству содержанія это замѣчательное собраніе, плодъ свыше тридцатилѣтней духовной дѣятельности знаменитаго Оратора, заключающее въ себѣ и глубоко Богословскую, зрѣло обдуманную проповѣдь молодаго Архимандрита, подававшаго столь блистательныя о себѣ надежды, и живое, исполненное огня и чувства слово старца, духомъ вѣчно юнаго, давно превзошедшаго всѣ ожиданія. Мы можемъ говорить объ этомъ собраніи только въ отношеніи къ языку, по поводу того, что намъ, — нельзя сказать доказываютъ, — а велятъ вѣрить, что Русскій языкъ »еще »бѣденъ для выраженія предметовъ науки, общественно-»сти, — словомъ, всего цивилизованнаго, глубоко и тон-»ко-развитаго, даже ежедневныхъ житейскихъ отношеній.«

Что можетъ быть торжественнѣе званія Проповѣдника Слова Божія? Что можетъ быть важнѣе цѣли его, а между тѣмъ какъ простъ можетъ быть языкъ Оратора, нисходящій почти до языка обыкновенной бесѣды, при всемъ изяществѣ его, при строгой правильности и совершенной чистотѣ! — Приведемъ этому не одинъ, а нѣсколько примѣровъ, въ повѣствованіяхъ заимствованныхъ изъ Священнаго Писанія, въ изъясненіи Слова Божія, въ изложеніи ученія Христіанской Вѣры и нравственности, и даже Философіи, но *не по стихіямъ міра а по Христѣ.*

Повѣствованіе о Іовѣ:....»Вспомните Іова, котораго и не льзя почти не вспомнить въ обители болящихъ. Нападеніе грабителей, истребительный огнь небесный, разрушительная буря, потеря стадъ, рабовъ, дома, дѣтей,— сколько стрѣлъ въ одну цѣль! Сколько бѣдъ на одну голову! Несчастіе, великое само въ себѣ, дѣлала еще большимъ великость прежняго счастія. Удары, сносные

порознь, до чрезмѣрности усиливала многочисленность и внезапность. Но праведникъ устоялъ: потому что стоялъ посредствомъ Религіи въ Богѣ. *Яко Господеви изволися, тако бысть*: сказалъ онъ (Іов. I. 21.). Изобрѣтатель зла нашелъ средство еще увеличить бѣдствіе: *и порази Іова гноемъ лютымъ отъ ногъ даже до главы.* Не было для него ни дома, ни больницы: *сѣдяше на гноищи внѣ града.* Оставалась у него жена: но не для помощи, а для новаго искушенія; она вздумала его учить отчаянію: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II. 7—9.). Посѣтили его друзья: но ихъ слова были не пластырь на его раны, а еще новыя стрѣлы обличеній неправедныхъ. Что же? Тулъ діавола истощился: но щитъ праведника не пробитъ. Какой щитъ? Тотъ же, что у Апостола: *щитъ вѣры* (Ефес. VI. 16.). Сей щитъ поставляетъ онъ противъ стрѣлъ неправедныхъ обличеній, когда говоритъ: *се на небесѣхъ послухъ мой, свидѣтель же ми во вышнихъ.* Въ молитвѣ ищетъ онъ себѣ утѣшенія и врачеванія: *да пріидетъ мольба моя ко Господу, предъ Нимъ же да каплетъ око мое.* Человѣческая мудрость въ Елифазѣ, Валдадѣ, Софарѣ, Еліусѣ постыждена. Религія въ Іовѣ побѣдила рѣшительно. *Господь же возрасти Іова. И даде Господь сугубая, елико бяху прежде Іову, во усугубленіе* (Іов. XLII. 10.).« Т. II. 323.

Повѣствованіе о исцѣленіи разслабленнаго при овчей купѣли, изъ текста: *Есть же во Іерусалимѣхъ овчая купѣль,* и пр. —»Въ сихъ словахъ Евангелія видимъ древнѣйшую изъ градскихъ больницъ.

»Похвалимъ человѣколюбіе Іудеевъ, которые для множества болящихъ создали пять *притворовъ,* или галлерей, и дали приличное сему мѣсту имя: *Виѳезда*, то есть, *домъ милосердія*: хотя впрочемъ не знаемъ, правительству или народу должна достаться сія похвала.

»Врачебное средство было тамъ одно: не человѣческимъ искусствомъ приготовленная баня въ овчей купѣли.

»Вмѣсто врача, приходилъ въ сію больницу Ангелъ. *Ангелъ бо Господень схождаше.*

»Сей необыкновенный врачь исцѣлялъ рѣшительно, и ни одинъ больной не былъ у него записанъ въ спискѣ неизлѣчимыхъ. *Здравъ бываше, яцѣмъ же недугомъ одержимъ бываше.*

»Не правда ли, что это было прекрасное заведеніе? Но покажемъ и ту сторону онаго, которая не такъ свѣтла.

»Небесный врачь посѣщалъ порученную ему больницу не ежедневно, какъ земные врачи, а только однажды въ годъ. *Ангелъ бо Господень на всяко лѣто схождаше.*

»Исцѣленіе было рѣшительное, но каждый годъ получалъ оное одинъ только человѣкъ. *Иже первѣе влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

»Не всякой больной имѣлъ силу дойти до возмущенной воды, а тѣмъ менѣе, упредить другихъ. Не доставало прислужниковъ или сердобольныхъ людей для помощи безсильнымъ. Отъ того нѣкоторый разслабленный тридцать восемь лѣтъ безполезно лежалъ въ сей больницѣ, доколѣ не явился Господь стихій, временъ и Ангеловъ, Которому не нужно было ни мутить воды, ни ждать годоваго срока, ни призывать Ангела, а довольно было сказать разслабленному: *востани, возми одръ твой, и ходи.*

»*Какой есть исцѣленія образъ сей? Какое намъ таинство являетъ?* — вопрошаетъ Святый Златоустъ, указуя на Евангельское сказаніе объ овчей купѣли. А кто позволитъ болѣе смѣлости своему естественному

разуму, любящему вмѣшиваться въ дѣла Провидѣнія, которыя выше его: тотъ можетъ еще сказать: какое странное соединеніе и чудесной силы, исцѣляющей всякую неизлѣчимую болѣзнь, и скудости сея силы, не простирающейся далѣе исцѣленія одного человѣка; — и щедрости, приготовляющей цѣлый водоемъ врачевства, и бережливости, не дающей болѣе одного, рѣдкаго пріема онаго; — и Ангела и воды, какъ будто цѣлебной силѣ Ангела нужна вода, которая впрочемъ, какъ всѣ знаютъ, не есть всеобщее врачевство. Но послушаемъ, что на сіи недоумѣнія отвѣтствуетъ Святый Златоустъ. *Не просто бо*, говоритъ онъ, *и не туне сіе написано есть: но будущія вещи аки на образѣ и изображеніи написуетъ намъ: дабы зѣло необычайное и нечаянно пришедшее дѣло не повредило у многихъ силы вѣры. Что убо есть, еже написуетъ? Имѣло нѣкогда крещеніе даятися, многую силу и даръ великій содержащее, крещеніе вся грѣхи очищающее, и вмѣсто мертвыхъ живыми творящее. И такъ все сіе чрезъ купѣль, и чрезъ другія многія воды, какъ-бы чрезъ образъ, ясно означается.* (На Іоан. Бесѣд. 36).

»Осмѣлимся продолжить сіе изъясненіе. Надобно было на опытѣ показать погруженіе въ воду, уничтожающее всякую болѣзнь, чтобы приготовить умы къ открытію крещенія въ водѣ, уничтожающаго всѣ грѣхи. Надобно было въ ощутительномъ явленіи движенія воды дать примѣтить благотворное надъ нею дѣйствіе Ангельскаго духа, дабы сдѣлать менѣе невѣроятнымъ новотворное и возродительное въ водѣ крещенія дѣйствіе Духа высшаго, нежели Ангельскій, Духа собственно Божія. Надобно было, чтобы благотворная сила овчей купѣли подавалась только тому, кто ревностнымъ стремленіемъ къ исцѣленію оставляетъ позади себя всѣхъ прочихъ: дабы и въ семъ явленъ былъ образъ купѣли

крещенія, которой спасительная сила подается только тому, кто стремленіемъ вѣры къ небесному и Божественному оставляетъ позади себя все земное. Надобно было представить Ангельское дѣйствіе ограниченнымъ, надобно было подлѣ самаго Ангела продержать разслабленнаго тридцать восемь лѣтъ безъ исцѣленія, дабы тогда, какъ Христосъ исцѣлитъ его единымъ словомъ, очевидно изъ сего было, что сей Исцѣлитель безъ сравненія выше Ангеловъ, что власть Его неограниченна, что Онъ есть Ѵпостасное Слово Божіе и истинный Богъ.« — Т. II. 326.

Повѣствованіе о призваніи Апостоловъ Петра и Андрея. »На берегу моря Галилейскаго четверо рыбаковъ занимались своимъ дѣломъ. Двое закидывали сѣти, начиная ловъ: другіе двое, въ другомъ мѣстѣ, поправляли сѣти, видно, поврежденныя во время лова. Идетъ нѣкто по берегу, и говоритъ двумъ первымъ: идите за Мною; и Я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ. Петръ и Андрей могли узнать въ призывающемъ Того, Котораго Іоаннъ Креститель указалъ имъ на Іорданѣ, и назвалъ *Агнцемъ Божіимъ*; и Который, при первой встрѣчѣ съ незнакомымъ Симономъ, не только назвалъ его по имени, но и преднарекъ ему новое имя Петра, тогда непонятное и загадочное. Сіи воспоминанія должны были возбудить въ Петрѣ и Андреѣ почтительное вниманіе къ словамъ призывающаго Іисуса. Но при семъ не льзя было имъ не примѣтить и того, что призывающій былъ странникъ, безпомощный, не имѣющій ни собственнаго дома, ни богатства, ни званія въ обществѣ, почетнаго или начальственнаго. Какъ же вдругъ пойти за Нимъ? Куда итти за человѣкомъ, который не имѣетъ, гдѣ преклонить голову? Петръ и Андрей имѣли какую нибудь хижину, имѣли лодку, сѣти, рыболовный промыслъ, и отъ того пропитаніе: какъ бросить сіе, чтобъ

итти за тѣмъ, который и сего не имѣетъ?—Но Онъ сдѣлаетъ *ловцами человѣковъ?*—Что это значитъ? Какъ это возможно? Люди ловятъ людей въ свою власть, подчиненность, зависимость, въ свою волю, посредствомъ предварительной власти надъ нѣкоторыми людьми, посредствомъ богатства, посредствомъ разнообразнаго свѣтскаго искусства, посредствомъ сильныхъ, богатыхъ, образованныхъ сообщниковъ и единомышленниковъ: ничего такого не имѣютъ ни призывающій, ни призываемые быть ловцами человѣковъ. Посему чего бы естественно долженъ былъ ожидать призывающій Іисусъ отъ Петра и Андрея? — если не рѣшительнаго отказа, то нерѣшимости, раздумья, колебанія и борьбы между порывами на зовъ необыкновенный и привязанностію къ быту обыкновенному, между желаніемъ и надеждою неизвѣстнаго великаго, и между опасеніемъ потерять извѣстное малое, и не пріобрѣсти ничего. И что же напротивъ оказалось? — Рѣшимость быстрая, готовность полная, послѣдованіе зову неотсроченное ни на минуту. Петръ и Андрей не остановились даже, чтобы передать свои рыболовныя сѣти, дабы онѣ безъ пользы не пропали, или не сдѣлались добычею хищника. Они просто ихъ бросили. *Она же абіе оставльша мрежи, по Немъ идоста.*

»Іисусъ идетъ далѣе по берегу, и подобнымъ образомъ зоветъ другихъ двухъ рыбарей, Іакова и Іоанна. Дѣйствіе зова оказывается подобное прежнему, и, можетъ быть, еще болѣе удивительное. Изъ Евангельской исторіи не видно, чтобы Іаковъ и Іоаннъ такъ рано, и такъ благопріятно предварены были о Іисусѣ, какъ Андрей и Петръ: тѣмъ болѣе удивительно, что и тѣ приняли зовъ Его также безпрекословно, какъ сіи. Іаковъ и Іоаннъ, чтобъ итти за Іисусомъ, должны были оставить то, что гораздо дороже рыболовныхъ сѣтей, — оставить отца своего: но и сила сыновней любви, вмѣстѣ съ прочими противоборными чувствованіями и помы-

шленіями естественными, не могли стоять противъ силы слова Іисусова: *она же абіе оставльша корабль и отца своего, по Немъ идоста.*

»Что же это за сила, которая въ немногихъ звукахъ слова Іисусова дѣйствуетъ такъ внезапно, такъ неестественно, такъ побѣдоносно надъ сильнѣйшими естественными привязанностями, чувствованіями, умопредставленіями? — По самому дѣйствію необходимо должно признать, что это сила вышеестественная, слѣдственно Божественная, — сила слова *Божія живаго и дѣйственнаго* (Евр. IV. 12.), — глагола, который *не возвращается тощь* (Ис. LV. 11.) къ изрекшему его, Слова, — которымъ *вся быша* (Іоан. I. 3.). То же Слово, соприсносущное Богу Отцу, Которое въ началѣ міра непостижимымъ, Божественнымъ образомъ *рече: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ* (Быт. I. 3.), и вообще: *рече, и быша: повелѣ и создашася* (Пс. XXXII. 9.), теперь облекшись въ одежду человѣческаго естества, съ тою же Божественною властію глаголетъ человѣческимъ гласомъ, и глаголемое творится; тварь неудержимо никакими препятствіями устрояется и движется по гласу Творца; человѣкъ идетъ за Богочеловѣкомъ; рыбарь дѣлается Апостоломъ.« — Т. I. 242.

Изъясненіе притчи о должникѣ немилосердомъ. »Царь требуетъ отчета отъ подданныхъ, у которыхъ было въ рукахъ множество богатства, ему принадлежащаго. Приводятъ одного, который долженъ ему десятью тысячами талантовъ, то есть, долгомъ, для подданнаго неоплатнымъ, и который за то, по законамъ царства, долженъ быть проданъ съ женою и дѣтьми. Несчастный, не зная, что дѣлать, проситъ отсроченія уплаты. Но Царь сжаливается, и совсѣмъ прощаетъ долгъ.

»Величественное зрѣлище милосердія! Должникъ не имѣетъ средствъ къ оправданію; законъ осуждаетъ его; царь имѣетъ всю власть исполнить осужденіе; повинный не почитаетъ возможнымъ просить, чтобы долгъ былъ прощенъ, а развѣ только отсроченъ: и внезапно — долгъ прощенъ. Это такъ прекрасно, что, если бы Господь, не продолжая рѣчи, сказалъ, какъ нѣкогда въ другой притчѣ: *иди, и ты твори такожде* (Лук.X, 37.), сердцу неокаменѣлому надлежало бы тотчасъ отвѣчать: пойдемъ, исполнимъ.

»Но Господь не благоизволилъ остановиться, показавъ, какъ прекрасна добродѣтель; Онъ провидѣлъ, что не всѣ плѣнятся ея красотою, и призналъ нужнымъ показать безобразную противоположность. Притча продолжается.

»Прощенный должникъ встрѣчаетъ своего должника, одного изъ своихъ клевретовъ, подданныхъ того же царя. Долгъ маловаженъ: только сто пѣнязей. Однако прощенный заимодавецъ взыскиваетъ съ своего должника строже, нежели Царь заимодавецъ: *емь его давляше.* Слышитъ ту же мольбу, которую самъ приносилъ царю: *потерпи на мнѣ, и вся воздамъ ти:* но не воспоминаетъ прошедшаго, не трогается настоящимъ, и бросаетъ своего должника въ темницу.

»Какая неумѣстная жестокость! Самъ прощенъ: а простить не хочетъ. Самъ просилъ отсроченія уплаты невозможной: а не хочетъ отсрочить возможной. Если предъидущая часть притчи сильно побуждаетъ къ тому, чтобы простить: то сія вторая часть еще сильнѣе отражаетъ самую мысль о томъ, чтобы не простить.

»Третья часть притчи показываетъ послѣдствіе жестокости, которую оказалъ прощенный непрощающій.

Царь узнаетъ объ его поступкахъ; беретъ назадъ свое великодушное прощеніе; и предаетъ его истязателямъ, *дондеже воздастъ весь долгъ свой* — неоплатный.

»Не льзя не чувствовать силы сей притчи. Надобно только узнать ея вѣрное приложеніе.

»Что̀ значитъ иносказательное лице Царя заимодавца, Господь Самъ истолковалъ въ заключеніи притчи: *тако и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ*. И такъ Царь заимодавецъ есть Отецъ небесный. Чрезъ сіе опредѣляется значеніе всѣхъ частей притчи.

»Что же далъ намъ въ долгъ Отецъ небесный? — О, какъ много! Больше, нежели тысячи талантовъ! Далъ Онъ намъ бытіе и жизнь, тѣло и душу, разумъ, сердце и чувства; далъ землю подъ ноги наши, прекрасный шатеръ неба надъ главы наши; далъ солнце нашему зрѣнію и жизни, воздухъ нашему дыханію; далъ животныхъ во власть нашу, и многоразличныя произведенія земли для нашихъ нуждъ и удовольствій, для пищи, для одежды, для жилища, для упражненія нашей дѣятельности къ произведенію полезнаго и пріятнаго. Скажетъ ли кто при семъ, что слишкомъ гордо думать, будто для насъ и земля, и солнце, и небо; таковому отвѣтствую: если ты думаешь о семъ гордо, совѣтую тебѣ отложить свою гордость, и думать о семъ смиренно и благодарно предъ благодѣтелемъ Богомъ, а не думать, будто мысль, злоупотребленная гордостію, потому самому перестаетъ быть истинною. Скажешь ли еще, что землею, солнцемъ и небомъ пользуешься не ты одинъ, и не только всѣ человѣки, но и безчисленное множество другихъ тварей Божіихъ; отвѣтствую: что до того? Тѣмъ болѣе чудно, тѣмъ болѣе необъятно богатство Божіе, что, хотя имъ пользуются безчисленныя существа, но и

ты пользуешься имъ такъ, что оно совершенно для тебя приготовлено, и къ твоимъ потребностямъ приспособлено. Найди способъ обойтись безъ земли, солнца и неба, — и тогда не почитай себя за нихъ должникомъ предъ Богомъ: а если сего не можешь сдѣлать, то признай, что каждый лучъ солнца, который тебя освѣщаетъ или согрѣваетъ, каждая капля воздуха, которую ты берешь себѣ дыханіемъ, есть твой новый заемъ изъ сокровищъ Божіихъ, — заемъ, всегда продолжаемый, ежеминутно возобновляемый, и слѣдственно, всегда неоплатный. Но изъ однихъ ли сокровищъ творенія занимаемъ мы у Творца? Какъ щедро даруетъ намъ еще Всеблагій Промыслитель изъ сокровищъ Своего провидѣнія, — ежеминутное храненіе нашихъ силъ и способностей, помощь и содѣйствіе во всемъ благомъ, средства и пособія къ жизни благоустроенной и благополучной, добрыхъ и любящихъ родителей, благоразумныхъ воспитателей, праведнаго и благодѣтельнаго Царя, безопасность общественную, успѣхи въ начинаніяхъ, невидимо устрояемое избавленіе отъ бѣдъ, когда очевидно *суетно спасеніе человѣческо* (Псал. LIX. 14.). Что сказать о важнѣйшемъ еще, и еще болѣе неоцѣнимомъ заимодательствѣ Божіемъ изъ сокровищъ благодати? Намъ грѣшникамъ, омраченнымъ, погибшимъ, даровалъ Господь свѣтъ вѣры, надежду спасенія, смертію Сына Своего Единороднаго заплатилъ за искупленіе насъ отъ вѣчной смерти, которой мы предали себя грѣхомъ; какъ залогъ, какъ начатокъ, какъ напутствіе жизни вѣчной и блаженной, далъ намъ Духа Своего Святаго, крещеніе возрожденія, нетлѣнную пищу тѣла и крови Христовой. О, если бы мы были вѣчными должниками Божіими потому только, что благодѣянія Божіи къ намъ безчисленны и вѣчны!

»Но это еще не все. Есть новые долги наши предъ Богомъ, которые болѣзненно насъ тяготятъ, и глубоко уничижаютъ, — долги, происходящіе и возрастающіе отъ того, что мы и заимоданное намъ во зло употребляемъ, и возможнаго съ нашей стороны Великому Заимодателю, или, по Его порученію, клевретамъ нашимъ, не воздаемъ. Всегда ли вѣрно воздаемъ мы Богу славу, благодарность, молитву, ближнему любовь, бѣдствующему состраданіе, бѣдному возможную помощь? Тщательно ли употребляемъ мы въ оборотъ заимоданные намъ таланты, — время всегда ли на занятія полезныя, или, по крайней мѣрѣ, невинныя, разумъ всегда ли для истины, сердце всегда ли на движенія къ добру, чувства всегда ли на подвиги умѣренности, воздержанія и чистоты? Можемъ ли похвалиться, что удовлетворяемъ въ сихъ отношеніяхъ своему долгу?—*Тебѣ, Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица* (Дан. IX. 7.)!« Т. I. 278.

Бѣденъ еще Русскій языкъ, говоритъ Рецензентъ О. З., для выраженія всего отвлеченнаго, глубоко и тонко развитаго. — Что можетъ быть отвлеченнѣе ученія о Промыслѣ Божіемъ, о происхожденіи грѣха, о вѣрѣ, о благодати, о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ, о молитвѣ? Что можетъ требовать болѣе глубокаго и тонкаго развитія? Посмотримъ и въ этомъ отношеніи, покоренъ ли Русскій языкъ мощной волѣ Оратора, удовлетворяетъ-ли потребностямъ его вдохновенія? Приведемъ опять не одинъ, а много примѣровъ, — столько, сколько могутъ вмѣстить предѣлы журнальной статьи.

Особенный Промыслъ Божій о человѣкѣ.

»Разберемъ составъ нашъ. Душа, основаніе жизни, есть дыханіе Бога Творца. Тѣло, жилище и орудіе души, — дѣло рукъ Божіихъ. Умъ, безъ котораго не существовали бы для тебя ни истина, ни мудрость, сердце, безъ котораго не было бы для тебя ни блага, ни блаженства, чувства,

безъ которыхъ вселенная, тебя окружающая, была бы для тебя закрыта и недоступна, — все сіе не такъ же ли Божіе дѣло, Божіи дары тебѣ, — ничтожеству? Точно, ты весь составленъ изъ даровъ и благодѣяній Божіихъ.

»Осмотримся во вселенной. Кто положилъ подъ нами землю, которая насъ держитъ надъ бездною, даетъ намъ жилище, одежду, пищу? Кто пролилъ на землѣ воду, которая насъ поитъ и омываетъ? Кто засвѣтилъ въ небесахъ свѣтила, которыя даютъ намъ возможность видѣть вселенную съ ея чудесами, которыя изъ мертвой земли вызываютъ для насъ жизнь, красоту, благоуханіе, сладость, пищу, лѣкарство, и которыя нашу собственную земную жизнь питаютъ тонкою, но не менѣе земной существенною пищею? Чей это воздухъ, которымъ мы дышемъ? Кто учредилъ намъ день, который возбуждаетъ насъ къ дѣятельности, и ночь, которая благопріятствуетъ нашему покою? Кто далъ злаку благодѣтельный для насъ законъ, — сверхъ немногаго числа сѣмянъ, нужнаго для продолженія рода, производить преизбыточествующее множество, на хлѣбъ намъ? Кто заповѣдалъ древу, сверхъ нужнаго ему сѣменнаго зерна, приносить плодъ, намъ, а не ему надобный? Кто велѣлъ гордому коню смиряться подъ нашею тяжестію, и смиренной овцѣ, даже малому червю — прясть изъ своего тѣла нашу одежду? Кто, на случай скупости солнца, приготовилъ намъ сокровища свѣта и огня въ кремнѣ и стали, въ деревѣ и маслѣ? Не все ли сіе и прочее неизчислимое — Божіе устроеніе, Божія собственность, и, когда предоставлено въ пользу нашу, Божіе намъ благодѣяніе? Точно, мы погружены въ благодѣяніяхъ Божіихъ, какъ въ безднѣ.« Т. III. 350.

„При разсмотрѣніи человѣческихъ обществъ, мысль о благодѣющей рукѣ Божіей застѣняется не рѣдко мы-

слію о свободной волѣ человѣческой. Но Богъ, благодѣтельный Творецъ міра и человѣка, можетъ ли не быть также благодѣтельнымъ Творцемъ общества человѣческаго? Ибо независимое отъ Него и неуправляемое Имъ общество человѣческое препятствовало бы Ему исполнять благодѣтельныя намѣренія о мірѣ и человѣкѣ, ограничивало бы Бога, что противорѣчитъ коренному понятію о Божествѣ.

„Никто, признающій Бога Творца и Промыслителя, не станетъ спорить, что общество пчелъ или муравьевъ есть устроеніе Божіе въ природѣ, потому что никакіе избранные члены улья не составляли для него постановленія общественнаго, и никакой философъ муравейника не вымышлялъ басни общественнаго договора. Чтожь? Общество человѣковъ менѣе ли достойно быть устроеніемъ премудраго Бога и всегдашнимъ предметомъ Его благодѣтельнаго управленія? Существуетъ надъ человѣками человѣческое правленіе, — и сіе ни мало не противорѣчитъ тому, что каждый изъ нихъ имѣетъ, по естеству, свободную волю; равнымъ образомъ существованіе сей свободы ни мало не противорѣчитъ существованію верховнаго правленія Божія и надъ родомъ человѣческимъ, и надъ семействомъ, и надъ государствомъ. Сіе правленіе Божіе не бездѣйственно отъ того, что невидимо, и средствами достигать своихъ цѣлей оно, безъ сомнѣнія, богатѣе всякаго правленія человѣческаго. Какъ же скоро вѣримъ, что мы и въ общественномъ, такъ же какъ въ естественномъ состояніи находимся подъ всеблагимъ и премудрымъ управленіемъ Божіимъ: то все доброе и благотворное въ общежитіи, — добрые родители, благоразумные воспитатели, просвѣщенные наставники, праведивые судіи, попечительные начальники, а наипаче мудрый и благодѣтельный Государь и его благословенные успѣ-

хи въ благихъ для государства намѣреніяхъ, побѣда надъ врагомъ, уничтоженіе крамолъ, достиженіе, сохраненіе, утвержденіе мира, возвышеніе или огражденіе общественнаго внутренняго благоустройства, — все сіе умножаетъ никогда нескончаемый счетъ даровъ и благодѣяній Царя царствующихъ, Господа господствующихъ, Отца, *изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется. Милости Твоя, Господи, во вѣкъ воспою* (Еф. III. 15. Псал. LXXXVIII. 2.), взываетъ Псалмопѣвецъ, и воспѣваетъ *завѣтъ* Божій Давиду, какъ Царю и родоначальнику, благотворный для царства и народа, и молитъ о возобновленіи сихъ *древнихъ милостей* Господнихъ. Если кто думаетъ при семъ, что это было у Іудеевъ; то я говорю съ Апостоломъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а не и языковъ? ей, и языковъ* (Рим. III. 29.). Не ужели Богъ есть Богъ царственно благодѣтельный только для Іудеевъ? право, и для Христіанъ; право и для Россіянъ." Т. III. 353.

Утѣшеніе, которое Религія Христіанская приноситъ страждущимъ и скорбящимъ. «Не трудно встрѣчаться съ добромъ и благополучіемъ. Сердце и чувство ими довольны: не за что и разуму спорить противъ оныхъ. Но когда зло и бѣда у насъ предъ глазами, хотя и не на насъ нападаютъ: одинъ сей видъ поражаетъ чувство и сердце; и если среди сего пораженія возстаетъ размышляющій умъ, онъ мучитъ себя вопросами: зачѣмъ зло въ мірѣ всеблагаго Бога, безпорядокъ въ дѣлахъ Премудраго, разрушеніе въ твореніи Всемогущаго? Сколько вѣковъ боролся съ сими недоумѣніями естественный разумъ человѣческій, и не могъ одолѣть оныхъ! Въ какой мракъ, въ какія нелѣпости впадалъ онъ, желая изъяснить происхожденіе зла! Онъ догадывался, не въ грубомъ ли веществѣ или тѣлесности

заключается причина тьмы, зла и грѣха, и, дабы отъ сихъ недостойныхъ произведенiй освободить Божество, представлялъ себѣ вещество вѣчнымъ и не сотвореннымъ отъ Бога. Вообразилъ себѣ злое начало, независимое и равносильное доброму началу, то есть, Божеству. Вымыслилъ неумолимый рокъ, или слѣпую судьбу, которая безъ разбора обрекаетъ существа на зло или добро, такъ что самое Божество не можетъ сему препятствовать. Какъ будто можетъ быть вѣчнымъ вещество, которое мы ежеминутно видимъ разрушающимся! Какъ будто вѣчная матерія, злое начало, неумолимый рокъ суть что нибудь больше, нежели мечты и выдумки, и притомъ такія выдумки, которыхъ нельзя принять безъ того, чтобы не отринуть важной и коренной истины, именно, понятія о безпредѣльномъ совершенствѣ и всемогуществѣ Божества! Какъ будто зло дѣлалось отъ того или понятнѣе, или сноснѣе, что переименовывали оное злою матеріею, злымъ началомъ, злымъ рокомъ! Такъ бился разумъ человѣческій въ темномъ и тѣсномъ чувственномъ мірѣ, какъ цыпленокъ въ яйцѣ, и не могъ пробить скорлупы. Въ такомъ состояніи были мудрецы и любители мудрости, слѣдственно и всѣ почти люди, доколѣ не ознакомились съ откровенною Религіею, долго таившеюся въ небольшомъ уголкѣ земли, откуда совсѣмъ не ожидали свѣта, долженствующаго просвѣтить вселенную. Явилось Христіанство: и нелѣпости оказались нелѣпостями, темное объяснилось, несносное облегчилось. Теперь поняли, что зло произошло первоначально отъ злоупотребленія свободы существами сотворенными, слѣдственно не дѣлаетъ нареканія Творцу міра, Который въ дарѣ свободы былъ великъ и щедръ, а злоупотребленію непричастенъ; теперь узнали, что Богъ имѣетъ средства искупить человѣка отъ зла, коему сей добровольно себя продалъ за чувственное удовольствіе,

слѣдственно зло не дѣлаетъ нареканія и Провидѣнію Божію о мірѣ; теперь получили вѣрную надежду, что зло, и въ человѣкахъ, и въ природѣ, будетъ рѣшительно побѣждено, а добро возвышено, и блаженство утверждено на вѣки Христомъ Спасителемъ, слѣдственно и при видѣ зла и бѣдствія можно благодушествовать, подобно какъ земледѣлецъ не отчаявается зимою, зная, что посѣвъ его не совсѣмъ убитъ холодомъ, а воскреснетъ весною, или какъ садовникъ не сердится весною на горькіе и терпкіе плоды, зная, что будутъ мягки и вкусны лѣтомъ или осенью. Такъ одна Религія, и притомъ откровенная, примиряетъ умъ съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Т. II. 317.«

»Если трудно быть и зрителемъ бѣдствій: то конечно еще труднѣе испытывать оныя на себѣ самомъ. Но какъ иногда нельзя миновать ихъ: то надобно же какъ нибудь умѣть обходиться съ ними. Вопль и рыданіе, безъ сомнѣнія, не есть наилучшій способъ бесѣдовать съ несчастіемъ: найдите же другой, болѣе сообразный съ достоинствомъ разумнаго и свободнаго существа, но также сообразный и съ возможностію бѣдствующаго; иначе сказать, изыщите средства утѣшенія. Здѣсь-то желалъ бы я испытать сію гордую Философію, которая думаетъ, не инымъ чѣмъ, какъ только мудрствованіемъ собственнымъ, сдѣлать человѣка благополучнымъ и независимымъ отъ внѣшнихъ приключеній. Послалъ бы ее, на примѣръ, въ больницу, испытать силу ея мудрованія. Что скажетъ она страждущему? — »Будь великодушенъ; ты страждешь по дѣйствію причинъ естественныхъ, по законамъ природы, отъ которыхъ не можешь освободиться, будучи звѣномъ въ цѣпи существъ и перемѣнъ.« — Какъ вы думаете? Будетъ ли отъ того больному легче или пріятнѣе, когда онъ узнаетъ, что страждетъ по

причинамъ и законамъ? Не почувствуетъ ли, напротивъ, онъ себя болѣе прежняго отягченнымъ узами причинъ и законовъ, изъ коихъ нельзя вырваться? — Или, положимъ, что Философія, смотря на больнаго съ нравственной стороны, скажетъ: — »вѣроятно, ты самъ привлекъ болѣзнь какими нибудь излишествами, неправильностями, неосторожностію: переноси же великодушно то, чего самъ причиною.« — Опять спрашиваю: достаточно ли сіе разсужденіе для утѣшенія страждущаго? Не можетъ ли онъ сказать такому утѣшителю: ты удвояешь мое несчастіе, представляя меня несчастнымъ и физически и нравственно? — Что еще можетъ сказать страждущему Философія? — »Терпи; если не врачеваніе, то смерть прекратитъ страданія.« — Но если на семъ она остановится, — а она принуждена остановиться на семъ, потому что не видитъ далѣе: то скорѣе призоветъ отчаяніе, нежели отраду. Отстранимъ суетную мудрость человѣческую, которая много обѣщаетъ, но мало можетъ. Пріиди, Премудрость Божія; помоги, Божественная Религія. Ты можешь сказать страждущему, что его бѣдствіе или послано, или допущено небеснымъ Отцемъ милосердымъ; что слѣдственно бѣдствіе не безъ нужды, не безъ правды, не безъ пользы, ибо такого не попустилъ бы такой Отецъ; что Онъ милуетъ и тогда, когда поражаетъ, и готовъ ежеминутно даровать облегченіе, по способности пріемлющаго, сообразно съ истиннымъ благомъ его. Ты можешь увѣрить, что страданіе можетъ быть велико, но не можетъ быть несносно, по реченному: *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести* (1 Кор. X. 13.). Если болящій отъ того боленъ, что грѣшенъ, и слѣдственно сугубо несчастенъ: ты можешь подать ему и сугубое утѣшеніе, именно, для скорби душевной — надежду прощенія грѣховъ, по вѣрѣ и

покаянію: для болѣзни тѣлесной — надежду исцѣленія, вслѣдствіе прощенія грѣховъ, или же то увѣреніе, что Врачъ душъ и тѣлесъ употребитъ болѣзнь, какъ средство очищенія, обратитъ болѣзнь тѣла во врачевство души чрезъ подвигъ терпѣнія, и что слѣдственно надобно благодушно принимать страданіе болѣзни, какъ благодушно принимаютъ горькое лѣкарство, въ пользѣ котораго увѣрены. Ты, безсмертная Религія, можешь изъ самой горькой мысли о смерти извлечь сладкое утѣшеніе: ибо ты видишь въ ней не конецъ только настоящаго, но и начало будущаго, не предѣлъ, но продолженіе, не закрытіе зрѣлища, но открытіе лучшаго, не мрачную бездну, въ которую на удачу можетъ броситься отчаяніе, но область свѣта, куда благонадежно можетъ вступить вѣра, гдѣ претерпѣвшихъ до конца ожидаетъ не только прекращеніе бѣдъ, но и наслажденіе благъ, и выше всякаго понятія щедрое воздаяніе за терпѣніе. Наконецъ, въ основаніе и совершеніе всѣхъ утѣшеній, ты, Религія Христова, можешь указать страдальцу на великаго Мужа болѣзней, который *язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша*, который понесъ *наказаніе мира нашего*, котораго *язвою мы исцѣлѣхомъ* (Иса. LIII. 5.). Тѣ, которые истинно познали Его въ вѣрѣ и любви, знаютъ, какъ не только возможно безъ ропота и нетерпѣливости, но даже какъ сладостно, переносить страданія въ общеніи страданій Его, съ помощію Его, при видѣ примѣра Его, изъ благодарности къ Нему, изъ любви къ Нему. Отъ нихъ-то слышимъ, столь невѣроятныя для мудрованія плотскаго, но и столь ободрительныя для мудрованія духовнаго, изъявленія внутреннихъ ощущеній: *хвалимся въ скорбѣхъ* (Рим. V. 3.). *Радуюся во страданіихъ моихъ* (Кол. I. 24.). *По множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша*

душу мою (Псал. LXXXXIII. 19.) *Яко же избыточествуютъ страданія Хрістова въ насъ: тако Хрістомъ избыточествуетъ и утѣшеніе наше* (2 Кор. I. 5.). Такъ полно и совершенно утѣшеніе, которое страждущій или бѣдствующій можетъ обрѣсти въ Религіи.« Т. II. 319.

О происхожденіи грѣха. »*Богъ*, какъ говоритъ Премудрый, *смерти не сотвори* (Прем. I. 13.). Отъ источника жизни могло ли что проистечь, кромѣ жизни? Давъ бытіе ничтожеству, онъ далъ бытію законъ, по которому бы оно дѣйствовало ко благу: дѣйствованіе по сему закону есть *жизнь*. Благороднѣйшія твари получили свободу, которая есть способность исполнять законъ, по сознанію его совершенства, изъ любви къ Законодателю; и которая по сему не исключаетъ возможности отступить отъ онаго: а такое произвольное отступленіе отъ закона есть *грѣхъ*. Но поелику тварь, выходя изъ предѣловъ, премудростію и благостію Творца ей поставленныхъ, не можетъ взойти къ высшему совершенству, котораго, будучи сама въ себѣ ничтожество, не только дать, но ниже возвратить себѣ не можетъ: то ея уклоненіе отъ закона по необходимости есть паденіе въ низшій кругъ дѣйствованія, разстройство, разрушеніе, *смерть*. Вотъ путь, по которому *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть*. Онъ входитъ, какъ тать; и потомъ неистовствуетъ, какъ разбойникъ: обнажаетъ, порабощаетъ, убиваетъ. Человѣкъ, по троякому отношенію своего дѣйствованія къ самому себѣ, ближнему и Богу, можетъ наслаждаться троякою жизнію: естественною, какъ существо видимаго міра, — гражданскою, какъ членъ общества, и духовною, какъ умаленный малымъ чимъ отъ ангелъ: преобладающій грѣхъ и на жизнь естественную, и на цѣлыя общества, и на безсмертный духъ человѣческій налагаетъ дань смерти. *Оброцы грѣха, смерть*.“ Т. I. 259.

Необходимость Благодати Божіей для спасенія. »Благодать,—если хотимъ исчерпывать полноту значенія сего имени,—есть даяніе отъ Благаго, даяніе благое, даяніе по единой благости, безъ предварительнаго права, или заслуги и достоинства пріемлющаго. Если принять въ разсужденіе, что, по слову Господню, *никтоже благъ, токмо Единъ Богъ*: и слѣдственно источника всего, что только есть благо въ тваряхъ, нигдѣ не льзя искать, кромѣ Единаго Бога, по чистой благости дарующаго, а не воздающаго (ибо *кто прежде даде Ему и воздастся Ему?* Рим. XI. 35.): то можно было бы заключить, что человѣкъ все, и въ себѣ, и окрестъ себя, самое бытіе, жизнь, тѣло, душу, способность и употребленіе способности познавать, желать, дѣйствовать, — все имѣетъ по благодати Божіей. Но поелику благо, которое Богъ положилъ въ твари дѣйствіемъ Своего творенія, усвоилось имъ какъ-бы въ собственность: то бывшее въ своемъ началѣ благодатію, въ своемъ продолженіи содѣлалось естествомъ сущихъ и природою раждаемыхъ, и въ отличеніе отъ сего, благодатію именуется то, что Всеблагій Богъ даруетъ человѣку выше естества и природы. Въ семъ разумѣ слово Божіе употребляетъ имя благодати, означая имъ и *даяніе преподающее*, или Божественную силу, источающую благодатныя вліянія, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ изреченіи: *явися благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ* (Тит. II. 11.); и *даяніе преподаваемое*, или даръ благодатный, какъ на примѣръ въ слѣдующемъ засвидѣтельствованіи Апостола: *Единому комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова.* (Ефес. IV. 7).« — Т. I. 485.

»Жизнь человѣческая въ своей дѣятельности движется между тремя предѣлами, къ которымъ приражаясь неправильно, приводитъ она въ замѣшательство соб-

ственныя движенія, и повреждаетъ сама себя. Сіи духовные предѣлы суть: самъ человѣкъ, ближній и Богъ. Чтобы дать жизни во всѣхъ сихъ отношеніяхъ вѣрное направленіе къ истинной цѣли, то есть, въ вѣчному спасенію и блаженству, спасительная благодать даруетъ, и научаетъ употреблять три силы: *цѣломудріе*, чтобы человѣкъ плотоугодіемъ не повреждалъ самъ *себя*, *правду*, чтобы онъ корыстолюбіемъ не приражался *къ ближнему*, *благочестіе*, чтобы онъ гордостію и нечестіемъ не оскорблялъ Бога.

»Подъ именемъ *цѣломудрія*, Благодать учитъ болѣе, нежели одной тѣлесной чистотѣ, какъ и Тотъ, Которымъ *Благодать бысть*, въ ученіи Своемъ говоритъ: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вождѣлѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. V. 28.). Жить цѣломудренно, въ точномъ знаменованіи сего слова, значитъ жить подъ управленіемъ *цѣлаго*, неповрежденнаго, здраваго *мудрствованія*, не позволять себѣ никакого удовольствія, которое не одобряется здравымъ разсужденіемъ, соблюдать умъ не оскверненный нечистыми мыслями, сердце не зараженное нечистыми желаніями, тѣло не растлѣнное нечистыми дѣлами.

»И естественный разумъ мірскихъ человѣковъ не можетъ не признать достоинства такой жизни. Ибо кто можетъ утверждать, что не хорошо имѣть чистую мысль, чистое сердце и чистыя дѣла? Но это, говорятъ они, слишкомъ строго, и даже невозможно. Бѣдные! не ужели это строго, что желаютъ содѣлать васъ подобными чистымъ небеснымъ Силамъ и пречистому Богу? Не ужели вамъ пріятно было бы то снисхожденіе, чтобы васъ оставили въ похоти плоти быть подобными безсловеснымъ животнымъ? Что касается до того, что совершенная чистота кажется вамъ невозможною: это правда;

у человѣкъ сіе невозможно есть (Мато. XIX. 26.). Посему-то и поставляемъ мы наставникомъ въ сей чистотѣ не разумъ человѣческій, но Благодать Божію: *явися Благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ.* Благодать же Божія не имѣетъ нужды спрашивать, что по силамъ человѣку. *Невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога* (Лук. XVIII. 27.).

»*Правду*, по изъясненію весьма обыкновенному, полагаютъ въ томъ, чтобы *отдавать всякому свое.* Изъясненіе правды, основанное на томъ не довольно твердомъ основаніи, что человѣкъ присвоилъ себѣ нѣчто, какъ свое, когда онъ *ничего не имѣетъ*, *чего бы не пріялъ* (I Кор. IV. 7.) отъ Бога. Не удивительно, что держась сего понятія, человѣки не научаются сами собою правдѣ Божіей, которой научаетъ Благодать Божія. Любить любящихъ, благотворить благотворящимъ, взаимъ давать для воспріятія равнаго, почитаютъ правдою. Фарисейскою правдою называетъ сіе Правда Божія, и такою правдою, которая не вводитъ въ Царство праведныхъ. *Аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и Фарисей*, говоритъ Божественный Праведникъ, *не внидете въ царствіе небесное* (Мато. V. 20.). Что сказать о правдѣ, которую нѣкоторые думаютъ найти въ томъ, чтобы воздавать оскорбленіемъ за оскорбленіе, ненавистію за ненависть, зломъ за зло? Если любовь къ однимъ любящимъ названа Фарисейскою правдою: то ненависть и злобу противъ ненавидящихъ, должно признать ниже, нежели языческою правдою. Познайте истинную, небесъ достойную правду въ благодатномъ ученіи Евангелія: *вся, елика аще хощете, да творятъ вамъ человѣцы, тако и вы творите имъ* (Мато. VII. 12.). Хочешь, чтобы тебя любили человѣки? люби человѣковъ. Хочешь, чтобы тебѣ дѣлали добро всѣ безъ изъ-

ятія? дѣлай и ты добро всѣмъ безъ изъятія. Пріятно было бы тебѣ, если бы съ тобою всѣ обращались кротко и смиренно? будь самъ кротокъ и смиренъ предъ всѣми. Кто не вкусилъ еще, сколь сладостна такая жизнь правды: тому можемъ мы только сказать, что если бы люди управлялись сею правдою; то не было бы ни обидъ, ни судовъ, ни хищеній, ни убійствъ, ни распрей, ни войны, ни убожества. Какое благополучіе для Христіанина уже и въ томъ, что онъ можетъ надѣяться увидѣть сію жизнь правды, если еще не видитъ ея! *Мы ждемъ блаженнаго упованія* (Тит. II. 13). *Будетъ едино стадо и единъ Пастырь* (Іоан. X. 16.). *Нова небесе и новы земли по обѣтованію Его чаемъ, въ нихже правда живетъ* (2 Петр. III. 13.).

»Высочайшій предметъ ученія спасительной Благодати есть *Благочестіе. До Бога высоко,* говоритъ наше народное присловіе. Жаль, если такая мысль имѣетъ силу въ народѣ, которому приближеніе къ Богу открыто Благодатію Божіею. Но внѣ Благодати, Богъ и Его достойное благочестіе, то есть, истинное Богопознаніе и Богопочтеніе, подлинно есть высота недостижимая. Въ язычествѣ неспособность достигать сея высоты оказалась въ такой крайности, что люди сдѣлали себѣ боговъ изъ дерева и камня, или обоготворили презрѣнныхъ животныхъ, и для изъявленія имъ почтенія, подобныхъ себѣ людей закалали предъ ними въ жертву. Умы болѣе тонкіе едва вознеслись до того, чтобы принять за божества небесныя свѣтила и тонкія силы тѣлеснаго міра. Нашелся, по свидѣтельству Пѣснопѣвца Божія, нашелся безумецъ, который *рече въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Псал. XIII. 1.). Примѣчаю, что не сказалъ онъ сего въ умѣ своемъ, то есть, не могъ убѣдить свой умъ къ принятію сей нелѣпости, но вопреки ему въ сердцѣ

своемъ отвергъ Бога, Котораго сіе разтлѣнное сердце не хотѣло имѣть, не желая покоряться Его законамъ. Какое впрочемъ ужасное разтлѣніе сердца, которое, вопреки убѣжденію собственнаго ума, можетъ отвергать Бога! Лучше ли и нынѣ поступаютъ тѣ, которые не хотятъ отъ Благодати принять ученія благочестія? Не есть ли любимое ихъ ученіе, что Божество, по недосязаемой высотѣ Своей, не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ земнымъ благочестіемъ? Слѣпые мудрователи! вы не видите, что даже тѣлесная природа обличаетъ ложь вашего ученія. Солнце, по своей высотѣ, для земли конечно не досязаемое, неужели не имѣетъ ничего общаго съ землею? Не обращается ли она къ нему непрестанно, чтобы для всего, на ней живущаго, принять отъ него свѣтъ и теплоту жизни? Почему вы можете думать, что духовное существо человѣка менѣе имѣетъ нужды въ духовномъ свѣтѣ и въ духовной теплотѣ Высочайшаго существа, въ просвѣщеніи и Благодати Божіей? А если оно имѣетъ сію высокую потребность: то не должно ли обращаться свободно, и всею силою стремиться къ своему вѣчному солнцу? Или, — когда оно сего сдѣлать не можетъ, поелику *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу* (Прем. IX. 15.), и она, отягченная чувственностію, какъ птица съ отягченными свинцомъ крыльями, только бьется о землю, вмѣсто того, чтобы возноситься къ небу, — не должно ли уповать, что Благодать Всеблагаго существа Божія снидетъ къ немощному существу человѣческому, и просвѣтитъ омраченный умъ, и согрѣетъ хладное сердце, и привлечетъ къ Себѣ и упокоитъ обремененную разтлѣніемъ душу? Такъ и дѣйствительно *явися Благодать Божія спасительная, наказующи насъ, да благочестно поживемъ* — да *кланяемся Богу Духу духомъ, и истиною,* да *возлюбимъ Его всѣмъ сердцемъ, всею душею и всѣмъ помышленіемъ*, да обымемъ Его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ не

пріявшіе Благодати отвергаютъ Его. Самая же утѣшительная, и собственно спасительная часть благодатнаго ученія о благочестіи, состоитъ въ томъ, что въ немъ обрѣтаемъ мы средство, котораго никакой сотворенный умъ не могъ изобрѣсть, — средство, не только благоугождать Богу достойнымъ Его служеніемъ, но и въ оскорбленіи Его нашими похотями и нечестіемъ получить прощеніе; не только творить волю Божію, но и получать отъ Него все, чего просимъ, даже до причастія Его Божественнаго естества, — именемъ и ходатайствомъ Единороднаго Сына Его, воплотившагося и умершаго за насъ, дабы *вся намъ Божественныя силы Его, яже къ животу и благочестію, поданы были познаніемъ призвавшаго насъ славою и добродѣтелію* (2 Петр. I. 3.)« Т. III. 206.

Понятіе о спасительной вѣрѣ. »Примѣняя свойство нашего языка къ духу Евангельскаго ученія, кажется, безъ опасенія погрѣшности, можемъ мы въ полномъ понятіи *вѣры* признать три подчиненныя и составительныя понятія: *увѣренность, довѣренность* и *вѣрность*. Когда Апостолъ говоритъ, что безъ *вѣры не возможно угодити Богу; вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ его мздовоздатель бываетъ* (Евр. XI. 6.): онъ указываетъ симъ особенно на начальную часть вѣры, на *увѣренность* въ истинахъ Богопознанія, на вѣру ума. Но когда тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ о Авраамѣ, что онъ *вѣрова* Богу, *животворящему мертвыя, и нарицающу не сущая, яко сущая;* что Онъ *паче упованія во упованіе вѣрова* (Рим. IV. 17. 18.): здѣсь представляется уже не простая вѣра ума, но болѣе глубокая и болѣе сильная вѣра сердца; эта безусловная преданность человѣка Богу, неограниченная *довѣренность* къ обѣтованіямъ благодати, не имѣющая

нужды ни въ какомъ ручательствѣ доводовъ и удостовѣреній; это рѣшительное направленіе души къ Божественному, какъ-бы естественно встрѣчающееся съ благодатію Божіею. Сюда принадлежитъ вѣра пріемлющая спасительную силу таинствъ, и, въ особенныхъ случаяхъ, ознаменуемая дарами чудодѣйственными. Но что и сего рода вѣра, даже чудодѣйственная, можетъ иногда быть неполною, неоправдательною и неспасительною, въ томъ не позволяетъ сомнѣваться грозное, поистинѣ, изреченіе Христово: *мнози рекутъ Мнѣ въ онъ день: не въ Тебе ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ; и тогда исповѣмъ имъ, яко николиже знахъ васъ; отъидите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. VII. 22. 23.). И такъ необходимымъ дополненіемъ вѣры, чтобы она была оправдывающею и спасительною, должна быть *вѣрность*. На сіе дополненіе вѣры указуетъ Апостолъ, когда говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ, и аще обинется, не благоволитъ душа Моя о немъ. Мы же, братія нѣсмы обиновенія въ погибель, но вѣры въ снабдѣніе души* (Евр. X. 38. 39.). *Вѣра* противуположная погибельному *обиновенію*, колеблемости, отступленію вспять, непостоянству, измѣнѣ, есть *вѣрность*, — вѣрность Богу и Христу въ неизмѣнномъ исповѣданіи православныя вѣры, вѣрность въ отношеніи къ заповѣдямъ Божіимъ, состоящая въ нелѣностномъ ихъ исполненіи, вѣрность въ отношеніи къ таинствамъ, дарованіямъ, служеніямъ, въ тщательномъ употребленіи оныхъ по намѣренію Божію во славу Божію.

»Теперь, кажется, открылось, что полное право на спасительное наименованіе *вѣрныхъ* не такъ легко пріобрѣсть, какъ легко мы присвояемъ себѣ сіе наименованіе, не думая о правѣ. Если хочешь дѣйствительно при-

надлежать къ числу *вѣрныхъ*, надъ которыми должно исполниться предуставленіе Христово: *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ*: то не только мысленно вѣруй, что Богъ есть, что Онъ ищущихъ Его награждаетъ, что по неизреченному человѣколюбію, Онъ послалъ Единороднаго Сына Своего на землю, дабы открыть намъ путь спасенія, и Духа Своего Святаго, чтобы насъ облагодатствовать и освятить; не только безъ пытливости разума, съ довѣренностію принимай неизъяснимыя таинства вѣры, но предайся вѣрѣ всею душею твоею, и всею жизнію твоею, такъ, чтобы вѣра была главною мыслію твоей жизни, и вся твоя жизнь выраженіемъ вѣры; наконецъ, будь вѣренъ Царю небесному, которому, кромѣ того, что принадлежишь по праву естественному, какъ Творцу и Господу всего, сверхъ того добровольно вписался ты въ службу, когда вступилъ въ Христіанство; будь же неизмѣнно и постоянно вѣренъ Его имени, Его повелѣніямъ, Его службѣ, Его дарованіямъ и талантамъ, которые Онъ ввѣряетъ намъ *комуждо противу силы его* (Матѳ. XXV. 15.).« Т. II. 150.

О безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ. »Разуму земному страннымъ показаться можетъ Апостольское возвѣщеніе, что *житіе наше на небесѣхъ есть*. Онъ скажетъ: и птицы небесныя не на небесахъ живутъ, хотя мы уступаемъ имъ преимущество называться *небесными*; мы меньше птицъ можемъ отдѣлять себя отъ земли. Наша жизнь стоитъ на землѣ, какъ на основаніи; питается земною пищею; покрывается земною одеждою; укрывается въ земномъ жилищѣ. Какъ же можно сказать, что *житіе наше на небесѣхъ есть*? Иное дѣло, если бы сказано было: житіе наше на небесѣхъ будетъ. Но и сіе кому извѣстно? А то какъ возможно?

»Вы оправдаете меня, братія, въ томъ, что я не соглашусь поправлять, или ослаблять словъ Апостоль-

скихъ въ угодность непонимающихъ. Я стою твердо въ Апостольскомъ увѣреніи, что *житіе наше на небесѣхъ есть.* Чтобы сдѣлать истину сію внятною и ощутительною, надлежитъ различить и сравнить жизнь временную и вѣчную, тѣлесную и духовную.

»Если бы городскаго жителя, во время путешествія, въ полѣ, или въ деревнѣ, спросили; гдѣ онъ живетъ? безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ бы: вотъ здѣсь на дорогѣ, или вотъ здѣсь въ сельской гостинницѣ; но сказалъ бы, что живетъ въ городѣ, гдѣ у него домъ и семейство, хотя бы во время вопрошенія и далеко былъ отъ города. И справедливо: ибо мы живемъ не тамъ, гдѣ случайно странствуемъ, гдѣ ночуемъ въ постояломъ домѣ, но гдѣ имѣемъ постоянное пребываніе. Примѣните сіе къ Апостолу: и просто будетъ его необычайное по первому виду изреченіе. Святый Павелъ жизнь временную представлялъ только странствованіемъ, землю — не больше, какъ постоялымъ домомъ; какъ мысль странника упреждаетъ его, и находится уже въ домѣ, когда онъ еще на пути, такъ сердце Апостола, во время земнаго странствованія, было уже тамъ, идѣже есть сокровище его, гдѣ Богъ живетъ во свѣтѣ, гдѣ Христосъ царствуетъ во славѣ, гдѣ обители Святыхъ и жизнь ихъ истинная и вѣчная. Такъ онъ мыслилъ и чувствовалъ, такія мысли и чувствованія предполагалъ и во всѣхъ Христіанахъ, какъ участникахъ той же вѣры, какъ наслѣдникахъ той же вѣчной жизни: и потому не о себѣ только, но вмѣстѣ съ собою и о всѣхъ насъ увѣрительно сказалъ: *житіе наше на небесѣхъ есть.*« Т. III. 492.

»*Житіе наше на небесѣхъ есть!* Въ семъ Апостольскомъ словѣ, подаю вамъ, чада Церкви воинствующей, оружіе противъ многаго, что́ сражается съ вами на землѣ.

»Тяготитъ тебя печаль о добромъ и возлюбленномъ умершемъ. Скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть;* не благоразумно было бы разслаблять себя на пути печалію о томъ, кто упредилъ насъ; лучше напрягать силы и вниманіе, чтобы вѣрнымъ путемъ итти туда, гдѣ житіе обоихъ.

„Искушаетъ тебя любовь къ земнымъ вещамъ и желаніе многаго пріобрѣтенія. Скажи опять: *житіе наше на небесѣхъ есть,* а здѣсь мы путешествуемъ; не надобно путешественнику слишкомъ увеличивать ношу путеваго запаса; нелѣпо было бы останавливаться на дорогѣ, и строить себѣ великолѣпный домъ для ночлега.

»Обижаютъ тебя, лишаютъ собственности, чести, награды. Еще скажи себѣ: *житіе наше на небесѣхъ есть;* тамъ наши сокровища некрадомыя, вѣнцы нетлѣнные, воздаянія вѣчныя. Не нужно заботиться много, если отнимаютъ лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить безцѣнное наслѣдіе въ домѣ Отца небеснаго.

»Такъ сильною мыслію о небесномъ, вѣрою въ небесное, любовію къ небесному, надеждою небеснаго возмогай, земнородный, надъ земнымъ и преисподнимъ; и подвизайся непрестанно, да будетъ въ тебѣ небо Благодатію, да будешь наконецъ ты въ небѣ со славою вѣчною.« Т. III. 496.

»О безсмертіи души человѣческой, и о будущемъ воскресеніи самаго тѣла человѣческаго, если бы надлежало говорить къ незнающимъ: то, для составленія понятія о безсмертіи, можно было бы обратить вниманіе на самое существо и естество того, что въ человѣкѣ живетъ, и что умираетъ. То, что видимъ умирающимъ, есть видимое, грубое тѣло: а то, что живетъ въ человѣкѣ, есть невидимая, тонкая сила, которую обыкновенно называемъ душею. Тѣло само изъясняетъ свою смертность; поели-

ку очевидно на части дѣлится, и разрушается; душа не только не показываетъ въ себѣ никакихъ признаковъ дѣлимости, разрушимости, но являетъ совершенно противоположное тому свойство въ способности разсужденія, которая раздѣленныя понятія о вещахъ представляетъ въ нераздѣльномъ и неслiянномъ единствѣ, никакъ не совмѣстномъ съ свойствами дѣлимаго вещества. Тѣло еще въ продолженіи жизни умираетъ, и конечно нѣсколько разъ, по частямъ, ежедневно отдѣляя отъ себя часть своего вещества мертвую: между тѣмъ душа, во все продолженіе жизни, чувствуетъ въ себѣ одно постоянное бытіе. Тѣло участвуетъ въ жизни, какъ бы по неволѣ, будучи приводимо въ движеніе силою души, и всегда болѣе или менѣе тяготя ее своею лѣностію: душа и въ то время, когда дѣятельность тѣла воспящается сномъ или болѣзнію, продолжаетъ свою, независимую отъ тѣла, жизнь и дѣятельность.

„Свидѣтелями безсмертія души человѣческой можно бы поставить лучшую, и наибольшую часть рода человѣческаго, и цѣлые народы, отъ наиболѣе просвѣщенныхъ, до наименѣе образованныхъ, такъ что въ семъ случаѣ самыя заблужденія могутъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтельствовать о истинѣ. Сколь ни чувственны понятія о будущей жизни у послѣдователей Магомета; сколь ни грубы сказанія объ оной у язычниковъ; сколь ни поразительна власть духа тьмы и злобы надъ нѣкоторыми изъ сихъ, у которыхъ почитается за добродѣтель живому отдать себя на сожженіе для умершаго; но и въ семъ превращеніи и смѣшеніи понятій и чувствованій, и въ семъ преобладаніи скотскихъ и звѣрскихъ свойствъ надъ человѣческими, еще, какъ искра въ грудѣ пепла, не совсѣмъ угасла истина, — та истина, что послѣ настоящей есть для человѣка жизнь будущая. Если

древніе, или новые, Саддукеи силятся отвергать сію истину: то потому только, что она препятствуетъ имъ быть Саддукеями, то есть, безпечно наслаждаться чувственными удовольствіями; поелику мысль о безсмертіи требуетъ и смертной жизни, сообразной съ будущею безсмертною.

„Можно бы для удостовѣренія о будущей жизни человѣка, заставить говорить даже безсловесную и безжизненную природу. Ибо въ цѣломъ мірѣ нельзя найти никакого примѣра, никакого признака, никакого доказательства уничтоженія какой бы то ни было ничтожной вещи; нѣтъ прошедшаго, которое бы не приготовляло къ будущему; нѣтъ конца, который бы не велъ къ началу; всякая особенная жизнь, когда сходитъ въ свойственный ей гробъ, оставляетъ въ немъ только прежнюю, обветшавшую одежду тѣлесности, а сама восходитъ въ великую, невидимую область жизни, дабы паки явиться въ новой, иногда лучшей и совершеннѣйшей одеждѣ. Солнце заходитъ, чтобы взойти опять; звѣзды утромъ умираютъ для земнаго зрителя, а вечеромъ воскресаютъ; времена оканчиваются и начинаются; умирающіе звуки воскресаютъ въ отголоскахъ; рѣки погребаются въ морѣ, и воскресаютъ въ источникахъ; цѣлый міръ земныхъ прозябеній умираетъ осенью, а весною оживаетъ; умираетъ въ землѣ сѣмя, воскресаетъ трава или дерево; умираетъ пресмыкающійся червь, воскресаетъ крылатая бабочка; жизнь птицы погребается въ бездушномъ яйцѣ, и опять изъ него воскресаетъ. Если твари низшихъ степеней разрушаются для возсозданія, умираютъ для новой жизни: человѣкъ ли, вѣнецъ земли, и зеркало неба, падетъ во гробъ для того только, чтобы разсыпаться въ прахъ, безнадежнѣе червя, хуже зерна горчицы?

»Можно бы еще отъ внѣшнихъ вещей обратить человѣка во глубину сердца его, и тамъ дать услы-

шать ему предвѣстіе о жизни по смерти. Все живущее на земли, кромѣ человѣка, по внушенію природы, печется только о настоящей жизни; кромѣ того случая, когда дѣйствуетъ предчувствіе жизни будущей, какъ на примѣръ, въ червѣ, который устрояетъ себѣ шелковый или паутинный гробъ, въ надеждѣ воскреснуть бабочкою: отъ чего происходитъ, что человѣкъ, даже тогда, какъ забываетъ о собственной будущей жизни, многое дѣлаетъ для, такъ называемаго, безсмертія въ потомствѣ? Сіе стремленіе человѣческаго сердца не есть ли отрасль отъ корня истиннаго безсмертія, — отрасль неправильная, но обнаруживающая силу корня? — Также всякое сердце человѣческое признаетъ, а чѣмъ оно благороднѣе, тѣмъ сильнѣе любитъ добро и правду, не смотря на то, что, въ настоящей жизни, добро и правда очень часто страждутъ отъ зла и неправды: откуда же происходитъ сіе глубокое въ естествѣ человѣческомъ признаніе достоинства добра и правды, или совѣсть, если не отъ глубочайшаго, сокровеннаго ощущенія царства добра и правды, которое граничитъ съ настоящею жизнію посредствомъ гроба? Т. I. 213.

»О человѣкъ, непремѣнно безсмертный, хотя бы ты о томъ не думалъ, хотя бы и не хотѣлъ того! Берегись забывать твое безсмертіе, чтобы забвеніе о безсмертіи не сдѣлалось смертоносною отравою и для смертной жизни твоей, и чтобъ забываемое тобою безсмертіе, не убило тебя на вѣки, если оно тебѣ, не ожидающему его, и не готовому, внезапно явится.

»Не говори отчаянно: *утрѣ умремъ*, чтобы тѣмъ необузданнѣе устремляться за наслажденіями смертной жизни: говори съ надеждою и страхомъ: утрѣ умремъ на земли, и родимся или на небесахъ, или во адѣ; и такъ

надобно поспѣшать, чтобы положить, надобно подвизаться, чтобы питать и укрѣплять въ себѣ начало къ небесному, а не къ адскому, рожденію.

»Что есть начало къ небесному рожденію? — Слово и духъ, и сила воскресшаго Хріста, Который есть и наше воскресеніе и жизнь. Принимай сіе Божественное сѣмя вѣчной жизни вѣрою; полагай оное въ сердцѣ любовію; углубляй смиреніемъ; согрѣвай молитвою и Богомысліемъ; питай или напаяй слезами умиленія; укрѣпляй подвигами добродѣтели.« Т. I. 218.

О молитвѣ. „Казалось бы, не нужно и напоминать нищему, чтобы онъ просилъ милостыни, — или, человѣку, который весь есть нужда и бѣдность, напоминать, чтобы онъ просилъ себѣ милости отъ Бога. Но конечно нужно было напомянуть о семъ; и конечно не довольно напоминали человѣки себѣ и другъ другу о сей нуждѣ всѣхъ и каждаго, когда Самъ Богъ нашелъ нужнымъ явиться въ словѣ Пророческомъ, и, такъ сказать, собственнымъ лицемъ требовать Себѣ молитвы отъ человѣка: *призови Мя въ день скорби твоея.*

„Есть нищіе тупоумные, или убитые несчастіемъ, которыхъ надобно возбуждать и руководствовать къ исканію помощи; есть нищіе гордые, которые не хотятъ наклонить головы предъ благодѣтелями, а хотятъ, чтобы благодѣтели поклонились имъ съ своими благодѣяніями: таковы суть предъ Богомъ человѣки, которые не умѣютъ или не хотятъ призывать Бога въ скорбяхъ своихъ.

„Иной въ день скорби своея только тоскуетъ, и отъ утра до вечера болѣе и болѣе погружается въ скорбь.— Помилуй себя, возлюбленный! Если ты утопаешь: то неужели лучше добровольно опустить руки, и итти на дно, нежели усиливаться возникнуть изъ водъ, и вопіять о помощи?

»Иной истощается въ домогательствѣ помощи человѣческой, а не вспомнитъ о Богѣ, *помощникѣ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло.* — Разсуди, если ты не совсѣмъ безразсуденъ: лучше ли тебѣ гоняться за человѣкомъ, который такъ часто говоритъ тебѣ: не проси меня; — мнѣ не до тебя; — приди послѣ; — иди къ другому; — я не могу помочь тебѣ; — либо скажетъ: помогу; — но потомъ не хочетъ, или не можетъ исполнить обѣщанія,— лучше ли, говорю, тебѣ гоняться за человѣкомъ, нежели прибѣгать къ Богу, Который не отсылаетъ тебя къ иному помощнику, не отлагаетъ Своей помощи, не измѣняетъ Своимъ обѣщаніямъ; Который непрестанно находится близъ тебя, и, если ты внимателенъ, въ самомъ сердцѣ твоемъ говоритъ тебѣ, приглашаетъ тебя къ молитвѣ, и обнадеживаетъ Своею всесильною помощію: *призови Мя въ день скорби твоея, и изму тя.*“ — Т. III. 251.

„Молитва есть одна изъ высшихъ потребностей души человѣческой, одна изъ существенныхъ принадлежностей Богопочтенія. Душа, погруженная въ чувственность, разсѣянная въ мірѣ, омраченная грѣхомъ, не чувствуетъ, что, по своему началу, она есть дыханіе изъ устъ Божіихъ: но сила сего чувства, безъ ея вѣдома, возникаетъ изъ ея глубины, и движетъ сердце къ Богу, хотя бы то было къ невѣдомому, или только погрѣшительно знаемому. Потому во всякомъ Богослуженіи, отъ духовнаго до чувственнаго, отъ просвѣщеннаго до невѣжественнаго, сущность и душу обыкновенно составляетъ призываніе Божества, и слѣдственно молитва. Хотя въ учрежденіяхъ ветхозавѣтныхъ важнѣйшую торжественность Богослуженія составляли жертвы: но жертва была всегда или посредницею, или представительницею молитвы, и восходящій дымъ сожигаемой жертвы представлялся колесницею, на которой молитва хотѣла достигнуть до неба.

„Но дѣло молитвы, для всѣхъ временъ всегдашнее для всѣхъ человѣковъ общее, научились ли наконецъ

человѣки дѣлать, всегда въ совершенствѣ, всегда съ полнымъ успѣхомъ? — Кто не знаетъ, что нѣтъ!"—Т. II. 156.

„Будемъ, сколько можно, внимательны къ разнымъ случаямъ, къ которымъ благоразумно примѣняемое дѣло молитвы становится полнымъ и совершеннымъ. Чувствуя себя повинными предъ правосудіемъ Божіимъ, принесемъ Ему моленія, да проститъ намъ долги наши; а если бы и все повелѣнное сотворили, не престанемъ и тогда умолять о милости, признавая себя рабами неключимыми, которые ничего еще не заслужили, исполнивъ только должное. Мысль, что небесный Отецъ знаетъ наши нужды, сія сладкая пища Христіанской надежды, да не превращается у насъ въ пищу лѣности или невѣрія; то, что Отецъ всевѣдущъ, да не препятствуетъ чадамъ быть искренними; будемъ приносить Ему дѣтскія прошенія наши, дабы Тотъ, Который по Своему всевѣдѣнію предвидѣлъ оныя, могъ исполнить оныя сообразно съ правдою Своею. Но какъ чада послушанія, получимъ ли просимое въ полную мѣру прошенія, или совсѣмъ не получимъ онаго, или даже лишимся и того, что имѣли, во всѣхъ сихъ случаяхъ не престанемъ приносить наши благодаренія Отцу, Который сколько щедръ тогда, когда подаетъ хлѣбъ, столько же благъ и тогда, когда не даетъ горящаго угля несмысленному дѣтищу, или отъемлетъ у него смертоносное орудіе. Дерзнемъ приступать ближе и ближе къ сему всеблагому Отцу, даже безъ посредства нашихъ нуждъ и Его даровъ: довольно услышать одно слово Его, или одно имя Его, *да изыдетъ душа наша въ слово Его* (Пѣсн. Пѣсн. V. 6.), и вся изліется предъ Нимъ въ молитвѣ любви и радости. Тако *молю творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія.*

„Расширимъ сердце наше молитвою, и объимемъ ею всѣхъ человѣковъ. Въ ней и отдаленное да содѣлается

близкимъ, и чуждое собственнымъ, высокое и низкое равнымъ предъ лицемъ Всевышняго; въ ней да угаснетъ вражда, и любовь да воспламенится болѣе сильнымъ и чистымъ пламенемъ. Особенно взыщемъ чрезъ молитву блага тѣмъ, которыхъ Богъ поставилъ особенными подвигами созидать наше благо. Кто знаетъ, сколько можетъ молитва вѣры за Царя и отечество? Нѣкогда молитва одного Елиссея для царя и царства Израильскаго была сильнѣе войска; ибо привела цѣлое непріятельское войско плѣннымъ въ столицу Израиля. *Молю убо творити молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.*

„Наконецъ, будемъ остерегаться, чтобы нечистое намѣреніе, какъ червь, не повредило плода молитвы въ самой его внутренности. Какъ недостойна была бы, на примѣръ, молитва за Царя, если бы кто предсталъ въ ней съ прочими только для того, чтобы исполнить обычай и гражданскую обязанность! Нѣтъ! Не того требуетъ Христіанство; не того достоинъ Царь. Искреннимъ сердцемъ, и всею душею да приносимъ *молитвы за вся человѣки, за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть,* съ чистымъ намѣреніемъ, *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ* (1 Тим. II. 1.—4.), Которому да воздается молитва непрестанно, благодареніе за все, и слава во вѣки.“ Т. III. 23.

»Въ наши времена разумъ человѣческій, наслышавшись отъ Исторіи, что прежде люди много погрѣшали чувственнымъ образомъ мышленія о духовныхъ предметахъ и суевѣріемъ, и что такое состояніе называютъ дѣтствомъ человѣчества и разума, думаетъ тѣмъ вѣрнѣе показать себя вышедшимъ изъ дѣтства, чѣмъ менѣе уважаетъ чувственные виды Религіи. Люди, которымъ не нравится подчиненность учрежденіямъ Религіи, но

которые не находятъ силы отвергнуть самую мысль о Религіи, въ понятіи о духовности ея ищутъ повода къ освобожденію себя отъ власти ея учрежденій. Такъ родятся два сомнѣнія, одно хуже другаго: имѣютъ ли священныя учрежденія внутреннюю важность и силу? даже, нужны ли для духовнаго человѣка чувственные виды и обрядовыя установленія Религіи?

»Тѣ, которые усиливаются довести сіи сомнѣнія до несчастной увѣренности, мнимые ревнители духа, извѣстнаго имъ только по имени, дерзаютъ важности и даже потребности священно-таинственныхъ и обрядовыхъ учрежденій противопоставлять слово Господа къ Самарянынѣ: *Духъ есть Богъ, и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV. 24.).

»Дерзость невѣроятная и послѣ того, какъ мы ее видѣли! Не тотъ же ли Господь установилъ Таинства, и облекъ ихъ внутреннюю силу чувственными видами, и дѣйствіями обрядовыми? И такъ можетъ ли Его слово опровергать собственныя Его постановленія? Развѣ можетъ Премудрость Божія сама себѣ противорѣчить, и сама себя разрушать?

»Чтобы опредѣлить точный смыслъ словъ Господа о духовномъ Богослуженіи, надлежитъ замѣтить, что сомнѣніе Самарянынн, въ разрѣшеніе котораго произнесены оныя, было не о важности или надобности видимыхъ установленій Религіи вообще. И въ надобности, и въ важности оныхъ она была увѣрена, когда не смѣла быть равнодушною къ нимъ, а заботилась удостовѣриться, которое изъ двухъ извѣстныхъ ей Богослуженій есть правильное и спасительное, Самарійское или Іерусалимское. И Господь не колебалъ ея увѣренности, а утверждалъ оную, когда одобрилъ Іерусалимское священно-обрядовое Богослуженіе, какъ сообразное съ истиннымъ позна-

ніемъ о Богѣ, и ведущее ко спасенію. *Мы*, то есть, покланяющіеся Богу во Іерусалимѣ, *кланяемся*, *Его же вѣмы: яко спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. IV. 22.). Симъ образомъ Господь приводилъ Самарянку отъ Самарянскаго раскола къ Іудейскому правовѣрію. Но если бы Онъ на семъ только и остановился: то оставилъ бы ее на пути къ истинѣ, не доведя до истины совершенной. Надлежало приготовить умъ ея къ высшему вѣрованію Христіанскому, готовому явиться съ своими новыми установленіями на развалинахъ установленій Іудейскихъ. Посему Господь продолжаетъ: *грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни во Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу*: то есть, скоро не только неправильное Самарянское Богослуженіе рушится, но и законное Іудейское перестанетъ быть правильнымъ, и также разрушено будетъ. А дабы сіе не показалось предвѣщаніемъ совершеннаго уничтоженія Богослужебныхъ установленій, особенно для Самарянки, привыкшей достоинство Богослуженія измѣрять только святостію мѣста, и дабы помыслъ ея, привязанный къ однимъ чувственнымъ видамъ Религіи, возвести на высшую степень духовнаго разумѣнія, Господь продолжаетъ еще: *грядетъ часъ, и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною*. То есть: скоро Богослуженіе перестанетъ быть привязаннымъ къ одному святому мѣсту, каковъ Іерусалимъ; но тѣмъ не менѣе будетъ свято, и еще болѣе совершенно; потому что болѣе духовно, и слѣдственно болѣе достойно Бога, какъ существа духовнаго, и болѣе истинно, вмѣсто того, что Іудейское Богослуженіе состоитъ изъ прообразованій ожидаемой истины, а непонятыя прообразованія остаются одними чувственными видами безъ духа. Такъ слово Господне отъ чувственныхъ видовъ Богослуженія, возводитъ къ поклоненію Богу ду-

хомъ и истиною, но не отвергаетъ оныхъ, поколику онн суть проявленія духа и облаченія истины: ибо иначе надлежало бы при поклоненіи духомъ отвергнуть даже слова человѣческаго языка, которыя, и въ чистѣйшемъ ихъ употребленіи, не суть самый духъ и истина, но только проявленіе духа и облаченіе истины. —Т. III. 120.

»Молись, Христіанинъ, молитвою крѣпкою, отъ всея силы души твоея, молитвою прилѣжною и неотступною, молитвою благою и чистою: а если сего не обрѣтаешь въ себѣ, молись о самой молитвѣ: и ты молитвою сперва пріобрѣтешь молитву истинную и дѣйствительную, потомъ сія все побѣдитъ съ тобою, и все тебѣ пріобрящетъ: возведетъ тебя на Ѳаворъ, или въ тебѣ откроетъ Ѳаворъ; низведетъ небо въ душу твою, и душу твою вознесетъ на Небо.« — Т. 1. 197.

Бѣденъ еще Русскій языкъ, говоритъ Рецензентъ, для выраженія всего цивилизованнаго, даже ежедневныхъ житейскихъ отношеній. Ученіе о семействѣ, объ устройствѣ гражданскаго общества, объ отношеніяхъ подданныхъ къ Верховной власти не чуждо всему цивилизованному и ему не чужды ежедневныя житейскія отношенія. — Приведемъ и для этого нѣсколько примѣровъ, въ надеждѣ, что читатели скорѣе посѣтуютъ на недостаточность, нежели на излишество въ числѣ выписокъ.

О семействѣ. »Семейство древнѣе Государства. Человѣкъ, супругъ, супруга, отецъ, сынъ, матерь, дщерь, и, свойственныя симъ наименованіямъ, должности и добродѣтели существовали прежде, нежели семейство разраслось въ народъ и образовалось Государство. Посему жизнь семейственная въ отношеніи къ жизни государственной есть нѣкоторымъ образомъ корень дерева. Чтобы дерево зеленѣло, цвѣло и приносило

плодъ, надобно, чтобы корень былъ крѣпокъ, и приносилъ дереву чистый сокъ. Такъ, чтобы жизнь государственная сильно и правильно развивалась, процвѣтала образованностію, приносила плодъ общественнаго благоденствія, — для сего надобно, чтобы жизнь семейственная была крѣпка благословенною любовію супружескою, священною властію родительскою, дѣтскою почтительностію и послушаніемъ, и чтобы, въ слѣдствіе того, изъ чистыхъ стихій жизни семейственной естественно возникали стольже чистыя начала жизни государственной, чтобы съ почтеніемъ къ родителю родилось и расло благоговѣніе къ Государю, чтобы любовь дѣтища къ матери была предъиграніемъ любви къ отечеству, чтобы простодушное послушаніе домашнее приготовляло и руководствовало къ самоотверженію и самозабвенію въ повиновеніи законамъ и священной власти Самодержца, дѣйствующей непосредственно, или чрезъ начальства, отъ него постановленныя.

»Изъ семействъ составляется Государство, и члены семействъ образуются въ члены великаго состава государственнаго. Хотя сила общей жизни тѣла можетъ, больше или меньше, исправлять частные недостатки и поврежденія въ здравіи членовъ: но, безъ сомнѣнія, полнѣе и совершеннѣе можетъ она проявлять себя въ движеніяхъ членовъ здравыхъ и неповрежденныхъ. Такъ, хотя власть государственная можетъ исправлять частные недостатки и пороки жизни семейственной: но тѣмъ еще лучше для Государства, чѣмъ менѣе нужны сіи исправленія, чѣмъ болѣе здравыхъ членовъ семейство представляетъ въ распоряженіе Государства, чѣмъ вѣрнѣе приготовлена и сбережена домашняя честность и доброта къ употребленію въ подвиги и добродѣтели на поприщѣ жизни общественной.

»И такъ, да помыслятъ отцы и начальники семействъ, что если они, по выраженію Апостольскому, *домъ свой добрѣ правятъ* (1 Тим. III. 4.); если въ своемъ комнатномъ владычествѣ правильно и вѣрно дѣйствуютъ разсудительно употребляемою властію, опытнымъ словомъ, добрымъ примѣромъ; если содержатъ своихъ домашнихъ въ порядкѣ и послушаніи, вселяютъ въ нихъ страхъ Божій, любовь къ ближнимъ, вѣрность къ Государю и отечеству, бдительнымъ смотрѣніемъ охраняютъ ихъ нравы: то, кромѣ того, что исполняютъ чрезъ сіе долгъ, возлагаемый природою, а слѣдственно и ея Создателемъ, что готовятъ сами себѣ плоды семейныхъ утѣшеній, — кромѣ сего, таковымъ дѣйствованіемъ они совершаютъ и въ пользу Государства служеніе, котораго благія послѣдствія могутъ простираться даже до потомства.« — Т. III. 94,

О повиновеніи власти. »Изыскателю безпристрастному не трудно уразумѣть, какимъ образомъ власть, по ученію Христіанскому, происходитъ отъ Бога. Откуда сіе множество людей, соединенныхъ языкомъ и обычаями, которое называютъ *народомъ*? Очевидно, что сіе множество *народилось* отъ нѣкоего меньшаго племени, а сіе произошло отъ семейства. И такъ въ семействѣ, собственно такъ называемомъ, лежатъ сѣмена всего, что потомъ раскрылось и возрасло въ великомъ семействѣ, которое называютъ Государствомъ. Слѣдственно тамъ должно искать начатковъ и перваго образа власти и подчиненія, видимыхъ нынѣ въ обществѣ. Отецъ, который естественно имѣетъ власть дать жизнь сыну, и образовать его способности, есть первый властитель; сынъ, который ни способностей своихъ образовать, ни самой жизни сохранить не можетъ безъ повиновенія родителямъ и воспитателямъ, есть природно подвластный.

Но какъ власть отца не сотворена самимъ отцемъ, и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка: то и открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало первой, а слѣдственно и всякой послѣдующей между человѣками власти, есть въ Богѣ. *Изъ Него* во-первыхъ, какъ изъясняется Апостолъ, *всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Ефес. III. 15.); потомъ, когда сыны сыновъ разраждаются въ народъ, и изъ семейства возрастаетъ Государство, необъятное для естественной власти отеческой, Богъ даетъ сей власти новый искуственный образъ и новое имя, и такимъ образомъ Его Премудростію *царіе царствуютъ* (Прит. VIII. 15.); и далѣе, сколько бы ни продолжались народы, какъ бы ни измѣнялись Государства, всегда посредствомъ вседѣйствующаго Промысла *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ* (Дан. IV. 22.). Поелику во времена невѣдѣнія, какъ человѣки забыли Творца своего, такъ и общества человѣческія не познавали верховнаго своего Владыки: то Богъ, вмѣстѣ съ другими тайнами Своими, и тайну происхожденія предержащихъ властей, даже чувственнымъ образомъ представилъ предъ очи міра въ избранномъ для сего народѣ Еврейскомъ. Въ Авраамѣ чудесно вновь сотворилъ Онъ качество отца, и постепенно произвелъ отъ него племя, народъ и царство; Самъ руководствовалъ Патріарховъ сего племени; Самъ воздвигалъ вождей и судей сему народу; Самъ *царствовалъ* (1. Цар. VIII. 7.) надъ симъ царствомъ; Самъ воцарилъ надъ нимъ царей, и долго являлъ надъ ними чудесныя знаменія Своей верховной власти.

„Если такимъ образомъ всякая предержащая власть открыто, или сокровенно, исходитъ отъ Бога, и Ему принадлежитъ: то какъ дерзнуть прикасаться къ ней?

Если мы требуемъ, чтобы наше произведеніе неприкосновенно было для другихъ, и наша собственность не нарушима: кто можетъ ненаказанно нарушить устроеніе и собственность Вседержителя?

„Другое священное основаніе неприкосновенности предержащихъ властей есть то, что они суть *помазанные* отъ Бога.

„Имя *помазанныхъ* Слово Божіе нерѣдко даетъ Царямъ, по отношенію къ Священному и торжественному помазанію, которое они пріемлютъ, по Божественному установленію, при вступленіи на Царство. Какъ бы мы ни разсуждали о семъ дѣйствіи, значитъ ли оно посвященіе помазуемаго Богу, или его освященіе отъ Бога, созерцаемъ ли мы въ семъ дѣйствіи таинство, приносящее помазуемому Божественный Духъ и силу духовную, или только видимъ дѣйствіе торжественное, предъ очами народа, полагающее на Царя несокрушимую печать Вышняго избранія; если только имя помазанника Божія не есть слово безъ значенія, то оно представляетъ лицо, запечатлѣнное Богомъ, священное, превознесенное, достойное благоговѣнія, и потому неприкосновенное.“ — Т. III. 8.

»Храните же внимательно зѣницу ока Господня; *не прикасайтеся Помазаннымъ Его.* Заповѣдь Господня не говоритъ: не возставайте противу предержащихъ властей. Ибо подвластные и сами могутъ понимать, что, разрушая власть, разрушаютъ весь составъ общества, и слѣдственно разрушаютъ сами себя. Заповѣдь говоритъ: *не прикасайтеся* даже такъ, какъ прикасаются къ чему либо безъ усилія, безъ намѣренія, по легкомыслію, по неосторожности; ибо случается нерѣдко, что въ семъ не-

примѣтно погрѣшаютъ. Когда власть налагаетъ на подвластныхъ нѣкое бремя, хотя и легкое и необходимое: какъ легко возбуждается ропотъ! Когда подвластные видятъ дѣло власти, несогласное съ ихъ образомъ понятія: какъ стремительно исторгаются изъ устъ ихъ слова осужденія? Какъ часто необученная послушанію мысль подчиненнаго, нечистымъ прикосновеніемъ, касается самыхъ намѣреній власти, и полагаетъ на нихъ собственную свою нечистоту! Клевретъ мой! кто далъ тебѣ власть надъ твоими владыками? Кто поставилъ тебя судіею твоихъ судей? Хрістіанская душа! ты призвана *повиноватися за совѣсть* (Рим. XIII. 5.): елико можно, не прикасайся власти, ниже словомъ ропота, ниже мыслію осужденія; и вѣруй, что *якоже возвеличися душа Помазанныхъ во очію твоею, тако возвеличишься ты предъ Господемъ и покрыетъ тя, и изметъ тя отъ всякія печали* (I. Цар. XXVI. 24.)« — Т. III. 12.

„Несчастное свойство мудрованія, болѣе въ нынѣшнія времена, нежели прежде, господствующее въ умахъ, есть недовѣрчивость къ истинѣ, во всякомъ родѣ познаній. О всемъ, что прежде было признаваемо твердымъ основаніемъ прочихъ познаній, теперь спрашиваютъ, точно ли это есть основаніе, и, подъ предлогомъ испытанія и удостовѣренія, разными образами подкапываются подъ оное, не догадываясь, что сія работа есть только разрушительная, а не созидательная. На чемъ основано правило: *Бога бойтеся?* На чемъ основано правило: *Царя чтите?* Не потому ли Священникъ проповѣдуетъ почтеніе къ Царю, что надѣется отъ него покровительства своему служенію? Не потому ли Царь покровительствуетъ Олтарю, что надѣется имѣть его подпорою Престола? Не взаимная ли только польза соединяетъ Олтарь съ Престоломъ?

„Прости меня, Святая, Божественная Истина, что я предъ Твоимъ Святилищемъ припужденъ открыть часть глубинъ омраченнаго, низверженнаго мудрованія!

„А ты, достойное послѣднихъ временъ мудрованіе, высокое только въ гордомъ о себѣ мнѣніи, глубокое только потому, что роешься въ землѣ и прахѣ чувственныхъ опытовъ и мелочныхъ изысканій, плодовитое только сомнѣніями и подозрѣніями, твердое только въ упрямствѣ невѣрія! Слыши, если хочешь слушать безпристрастно, истина не колеблется стать противъ твоего дерзновеннаго испытанія, и просто явиться предъ твоими ухищренными изысканіями. Да, есть въ томъ польза, когда Олтарь и Престолъ союзны; но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина, поддерживающая и тотъ и другой. Благо и благословеніе Царю, покровителю Олтаря: но не боится Олтарь паденія и безъ сего покровительства. Правъ Священникъ, проповѣдующій почтеніе къ Царю: но не по праву только взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось и безъ надежды взаимности.“—Т. III. 152.

„*Бога бойтеся: царя чтите.* Сіи двѣ заповѣди, такъ соединены для насъ, какъ бы два ока на одномъ лицѣ истины и правды. Не разрозните ихъ; не обезобразьте лица истины; не повредите одного изъ очей ея.

„Боимся Бога, — говорятъ нѣкоторые суевѣры; и отрекаются молиться за царя, или давать ему дань, или вступать въ его службу. Не очевидно ли, что это не послѣдователи благочестія, но враги онаго, такъ же какъ и отечества? Хрістосъ училъ: *воздадите Кесарева Кесареви.* Апостолы учили: *Царя чтите.* Кто учитъ не тому, чему поучалъ Хрістосъ и Его Апостолы: тотъ не послѣдователь, а врагъ Хрістовъ. Нѣгдѣ есть и инаго рода политическіе раскольники; они хотятъ, къ соблазну народовъ

имѣть царя, не освященнаго Царемъ царствующихъ, законъ человѣческій безъ закона Божія, власть земную безъ власти небесной, присягу безъ имени Божія. Знаете ли, что дѣлаютъ сіи неугомонные мудрователи? Они хотятъ выколоть у правды правое око. Можно ли основать законъ и власть только на зыбкомъ пескѣ мнѣній людскихъ? Какъ можетъ стоять земля безъ неба? Что значитъ слово: Клятва, безъ Всевидящаго и Всемогущаго, Который Одинъ даетъ сему слову духъ и силу, неколебимо поддерживающую вѣрнаго и неизбѣжно карающую измѣнника?

Братія! Да стоимъ твердо во всецѣлой истинѣ и правдѣ. Боящіеся Бога! *Царя чтите.* Чтущіе Царя! *Бога бойтеся.*" — Т. III. 157.

Наконецъ, остается доказать, можетъ-ли быть Русскій языкъ языкомъ чувства высокаго, священнаго. Слѣдующіе примѣры могутъ вполнѣ разрѣшить этотъ вопросъ.

Изъ Слова въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича, Іюня 25, 1834. „Поелику годъ Царя, принадлежа Ему, какъ годъ жизни, принадлежитъ вмѣстѣ и царству, какъ годъ царствованія: то не удивительно, что въ настоящій день, граничный между окончившимся и начинающимся годомъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, возстаетъ вся Россія, и устремляетъ изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, съ благодареніемъ, съ надеждою, съ молитвою.

„Одна изъ особенностей совершившагося года Царева состоитъ въ томъ, что рядомъ съ симъ годомъ, какъ юная луна при солнцѣ на ясномъ небѣ, явился начальный годъ совершеннолѣтія Наслѣдника Престола.

„Какъ еще теперь вижу я сей прекрасный вечеръ, по истинѣ достойный дня Хрістова.

Среди величественнаго храма, среди пѣснопѣній и молитвъ предъ открытымъ олтаремъ Воскресшаго, на минуту прерванныхъ, къ открытому Слову жизни, къ спасительному Кресту Хрістову Царь настоящій ведетъ юнаго Царя будущаго, между тѣмъ какъ вѣнецъ, и скипетръ и держава, какъ знаменія будущаго царствованія, покоятся о страну. Сколько важныхъ мыслей можно прочитать въ семъ зрѣлищѣ, когда оно еще безмолвствуетъ! И такъ вступленіе Порфиророднаго на путь къ Престолу должно быть на пути къ олтарю. И такъ заповѣдь, обѣтъ, молитва, суть предобрученіе вѣнца, скипетра, державы. И такъ крестъ есть предварительный вѣнецъ вѣнца, и силу будущей власти Царской надлежитъ извлечь изъ лобзаемаго Евангелія. И такъ, чтобы благонадежно завѣщевать Царство, для сего, видно, надлежитъ прежде крѣпко завѣщать благочестіе.

„Слышу священный обѣтъ Сына Царева, и вдругъ открывается, что совершеннолѣтіе, которое Самъ вступающій въ оное съ толикою скромностію назвалъ *раннимъ*, есть напротивъ того вполнѣ зрѣлое: потому что Онъ возвышенно понялъ высокіе помыслы Своего Родителя, и глубоко почувствовалъ важность настоящаго мгновенія. Онъ стоитъ предъ Богомъ, какъ живая жертва, приносимая Царемъ-Отцемъ за будущее благосостояніе царства, и, согласно съ волею Родителя, и Самъ представляетъ себя въ жертву, и облакъ слезъ, восходящій въ очахъ Его, даетъ примѣтить, что ѳиміамъ непорочнаго сердца Его восходитъ горѣ.

»Мнѣ кажется, что и вы были при семъ царственномъ жертвоприношеніи, поелику въ то же время приносили ту же молитву: такъ хотѣлъ Благочестивѣйшій

Государь, Который любитъ, поколику возможно, быть съ вами во всемъ едино. Но я былъ при ономъ ближе, и могу вамъ свидѣтельствовать, что сколь поразительно нѣкогда чудна была жертва, орошенная удвоеннымъ и утроеннымъ возліяніемъ воды, чтобы потомъ пришелъ на нее небесный огнь, столь сладостно чудною явилась наша безцѣнная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришелъ на нее животворный огнь благословенія свыше.

»Ты призрѣлъ на сіе мгновеніе, Царю небесъ и вѣчности, предъ Которымъ и ни одно земное мгновеніе нѣсть забвено. Тебѣ принесены сіи слезы, столь искреннія, столь единодушныя, столь чистыя, какія только можетъ проливать Отецъ Отечества вмѣстѣ съ сынами царства. Когда жребій нашъ пріидетъ предъ лице Твое; когда судьбы Твои вопросятъ у Тебя, открыть ли на насъ сокровища гнѣва по грѣхамъ нашимъ, или сокровища щедротъ, по вѣрѣ въ Тебя: тогда, Господи, помяни вновь сіе мгновеніе, призри еще на сіи слезы; и еще изреки на насъ судъ милосердія; еще изнеси намъ державный жребій спасенія и мира. Благочестивѣйшему же Царю нашему, Который царствуетъ не только для современниковъ, но и для потомства, Который такъ же печется о царствованіи будущемъ, какъ о настоящемъ, и попеченія Свои о будущемъ предъ Тобою, вѣчный Царю, полагаетъ, и Тобою обезпечиваетъ, — умножи и лѣта Его царствованія, и благословенія Твои на нихъ, тѣмъ обильнѣе, чѣмъ благоизвольнѣе ввѣряетъ Онъ Себя, и Своего Наслѣдника, и Свое царство державѣ Твоего Провидѣнія«. Т. III. 34.

Изъ Слова по освященіи храма, устроеннаго при Замкѣ пересыльныхъ арестантовъ, 1843, Декабря 23. „Правила Святыхъ удаляютъ отъ святыхъ

Хрiстовыхъ Таинъ, и едва допускаютъ переступать чрезъ прагъ святаго храма, людей, обремененныхъ тяжкими грѣхами, доколѣ не очистятъ ихъ совѣсти покаяніе, слезы и время, иногда довольно продолжительное. И не удивительна сія строгость, когда и человѣческій законъ тѣхъ же людей, за тѣ же грѣхи, которые онъ, обнаруживъ, называетъ преступленіями, удаляетъ отъ домовъ и селеній непорочныхъ гражданъ, даже навсегда. Какъ же теперь святый храмъ, со святыми Тайнами, самъ пришелъ къ симъ людямъ, которымъ строгость священныхъ правилъ не даетъ права приступать къ святымъ Тайнамъ, и едва позволяетъ входить во храмъ?

„Милостивъ буди къ немощнымъ служителямъ Твоея святыни, Единый Святый, Единый Господь, Iисусъ Хрiстосъ, если мы не довольно строго удаляемъ отъ святыни Твоея то, что ея недостойно; если, научась отъ Апостола Твоего, *поминать юзники, аки съ ними связани* (Евр. XIII. 3.), мы хотимъ раздѣлить съ ними, что только знаемъ утѣшительнѣйшаго для себя, — именно, благодать святаго храма, и спасительное общеніе, или по крайней мѣрѣ, благотворную близость животворящихъ таинъ. Не въ темницу ли, не къ осужденнымъ ли, не къ изгнанникамъ ли, не къ узникамъ ли пришелъ и Самъ Ты на землю, чтобы основать Твой живый храмъ, Твою святую Церковь! Ибо, что такое вся земля, послѣ рая, какъ не пространная темница? Что человѣкъ вообще, какъ не осужденный преступникъ райскаго закона, изгнанникъ рая, плѣнникъ грѣха, узникъ бренной плоти, отягощающей душу? И не гнушалась чистота Твоя; не чуждалась святыня Твоя. Ты пришелъ, и въ сей темницѣ, для сего преступника, изгнанника, плѣнника, узника, поставилъ Твой Голгоѳскій крестный жертвенникъ; Твоимъ страданіемъ и смертію совершилъ на немъ Твою вселенскую

Божественную литургію; принесъ Твою вѣчную жертву, которая одна и та же, и здѣсь, и нынѣ, совершается. И кто были ближайшіе къ сему Твоему жертвеннику?— Разбойникъ одесную; разбойникъ ошуюю. Если сія близость шуяго возбуждаетъ негодованіе: то какое утѣшеніе подаетъ близость деснаго, который и крестныя жертвы Твоея вѣрою пріобщился, и Тебя прославилъ, и самъ спасся, и самымъ безнадежнымъ грѣшникамъ подалъ примѣръ и надежду спасенія! И нынѣ, Господи Іисусе Хрісте Боже нашъ! Святый и освящающій, Архіерей, и Жертва, Спаситель грѣшныхъ, Взыскатель погибшихъ, Датель благодати и славы! Да не удалится и отъ здѣшняго жертвенника святыня Твоя; да почиваетъ на немъ благодать Твоя. И если между приближающимися къ нему предъ зрящимъ на сердца окомъ Твоимъ, явятся и разбойники, или такіе, которые не лучше разбойниковъ: взыскуй и обрѣтай между ими подобныхъ благоразумному распятому съ Тобою разбойнику. Пронзай души ихъ взоромъ Твоего всевѣдѣнія и правосудія, да уязвятся сердца ихъ спасительною скорбію покаянія. И когда отъ сокрушеннаго сердца возопіютъ къ Тебѣ: *помяни ихъ во царствіи Твоемъ* памятію милосердія; даруй имъ благую надежду; и скоро начни отверзать имъ тайную дверь *рая*—въ умиротворенной совѣсти."— Т. II. 471.

Изъ Слова при гробѣ блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, Маія 26, 1826 года. »Отче небесный, колико непостижимый въ судьбахъ Твоихъ, толико же безконечный во благости Твоей! не пререкаемъ непреложной волѣ Твоей, совершившейся надъ Вѣнчанною рабою Твоею Благочестивѣйшею Императрицею Елисаветою, на земли: но молимъ, со дерзновеніемъ упованія молимъ, соверши

надъ Нею благую и вѣчноблаженную волю Твою на небеси. Увѣнчанную здѣсь сугубымъ вѣнцемъ, Царскимъ — отъ камени честна, и Христіанскимъ — отъ тернія, вѣнцемъ величія и вѣнцемъ терпѣнія, увѣнчай и тамъ усугубленною славою, да безмолвная въ земномъ страданіи отверзетъ наконецъ уста свои въ небесномъ веселіи, чтобы благодарственно исповѣдать предъ Тобою блаженную тайну сего страданія: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою* (Псал. XCIII. 19.).

»Еще же не одна Царственная душа страждущая, цѣлый Домъ Царевъ, цѣлое Царство Россійское взываетъ къ Тебѣ, Царю Царей: *ослаби ми, да почію*! Еще не почило сердце наше отъ прежней печали, какъ постигла насъ новая. Вся земля наша отъ края до края, отъ Столицы до Столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлѣетъ, Господи! да почіетъ гнѣвъ Твой; до почіетъ сердце наше предъ Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; посли торжества жизни и радости мужественному Преемнику Александра, и Августѣйшему Дому Его, и Россіи.“ Т. III. 322.

Изъ Слова о пустынножительствѣ, говореннаго по освященіи храма въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ 27 Сентября 1842 года. »Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ, — *кто дасть ми крилѣ яко голубинѣ; и полещу, и почію?* Могу ли сказать себѣ, — или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни?* Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду*

(1 Кор. IX. 27.)? О, дающій, иному крылѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывать Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои крилѣ! собирай Самъ, и храни всѣхъ насъ подъ крылами Твоея благости, и, стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню.« Т. II. 446.

Особенная и весьма важная заслуга, оказанная Ораторомъ Русскому языку, есть введеніе новыхъ словъ и выраженій. Истинная, полезная *неологія*, обогащающая языкъ новыми словами, которыхъ недоставало для точнаго и яснаго выраженія извѣстныхъ понятій, столь же отлична отъ вреднаго *неологизма*, обременяющаго языкъ введеніемъ словъ ненужныхъ, какъ употребленіе отъ злоупотребленія, добро отъ зла и свѣтъ отъ тьмы. — Первая есть исключительная принадлежность геніальныхъ и опытныхъ писателей, одаренныхъ вѣрнымъ тактомъ и изящнымъ вкусомъ, а послѣдній отличительное свойство самонадѣянной неопытности. Относительно Русскаго языка нельзя не замѣтить, что самая удачная неологія есть та, которая новыя слова почерпаетъ изъ источниковъ наиболѣе ему сродныхъ, т. е. изъ языка древне-Русскаго и Славяно-церковнаго. Попытки юныхъ и незрѣлыхъ писателей, *эффектно* передавать новыми словами своего изобрѣтенія, слова новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, большей частію остаются безуспѣшными. Таковы напр.: „ряды уступовъ *взбороржденныхъ* (sillonnés) рѣками“.... „оригинальная народность, которая *муравьится* (fourmille) въ Китайской равнинѣ“.... „журчащіе потоки, которые *змѣятся* (serpentent) по дну свѣжихъ долинъ“.... и пр. и пр. — Карамзинъ, которому Русскій языкъ обязанъ словомъ *промышленность*, оставилъ намъ въ своей Исторіи, и особенно въ XII томѣ, нѣсколько новыхъ, весьма удачныхъ, словъ и выраженій, которыя будучи счастливымъ пріобрѣтеніемъ для языка, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и примѣромъ полезной неологіи. Таковы, напр.: *буйность* (XII. 2.), *зломысліе* (XII. 3.), „*громить* стѣны пушками (XII. 177.),“ „Михаилъ назначенный судьбою *уми*-

рить Государство (XII. 209.)," „видѣли или угадывали *злорадство* (XII. 212.), „Козаки бѣжали въ Украйну, предвидя *несгоду* злодѣйства (XII. 282.)." и пр. — Кромѣ этихъ, собственно имъ составленныхъ словъ, Карамзинъ приводитъ въ своей Исторіи очень много древнихъ и старинныхъ, почерпнутыхъ изъ лѣтописей и современныхъ актовъ. Но ошибочно было бы думать, что онъ хотѣлъ всѣ эти слова усвоить себѣ или Русскому языку. Не только такія, которые онъ, какъ знатокъ, одаренный изящнымъ вкусомъ, не могъ не признавать совершенно ненужными и неумѣстными въ новомъ Русскомъ языкѣ, какъ напр. *ходить въ дань* (I. 156.), *возить повозъ* (I. 244), воръ *клѣтный* (II. 52.), *итти на сводъ* (II. 55.), *итти на изводъ* (II. 65.), *стоять на костяхъ* (IV. 101.), *взять землю на щитъ* (IV. 128.), но и другія, имѣющія свою прелесть и достоинство, какъ напр.: »съ моремъ кто *совѣтенъ* (I. 150.)?« „не позволять *самосуда* (IV. 170.)«, »да *высится* рука Христіанъ надъ невѣрными (VII. 167.)«, „злочестіе *высится*; Христіанство *никнетъ* (IX. 214.)«, »плѣняла и душею, кротостію, *благорѣчіемъ*, (XI. 50)«, и пр., Карамзинъ видимымъ образомъ вмѣщалъ въ текстъ свой для того, чтобъ на сколько возможно передавать и рѣчи и самыя дѣйствія и событія языкомъ современныхъ актовъ и лѣтописей. Онъ даже отличалъ всѣ эти слова особымъ шрифтомъ (курсивомъ), дабы обратить на нихъ вниманіе тѣхъ поверхностныхъ читателей его Исторіи, которыхъ лѣность поскучала бы безпрестанно переходить отъ текста къ примѣчаніямъ.

Новыя слова, введенныя Преосв. Филаретомъ въ Русскій языкъ, также носятъ на себѣ отпечатокъ геніальной неологіи, которая есть слѣдствіе не прихоти, не суетнаго желанія блеснуть, если не оригинальностію мысли, то новизною выраженія. Они очевидно порождены потребностію вдохновенія, которое при ясномъ умопредставленіи, не находитъ въ языкѣ соотвѣтствующаго ему слова. Большей частію они суть плодъ глубокаго знанія Славяно-церковнаго языка и чистѣйшаго хранилища его, Св. Писанія. Къ числу особенно замѣчательныхъ принадлежатъ слѣдующія: „въ семъ, такъ сказать, кругообра»щеніи славы Божіей, состоитъ блаженная жизнь и *благо-*

»*бытіе* тварей (Т. 1. 6.),« »и подъ видимымъ владычествомъ благочестія всегда есть тайные *самовладыки*, »которымъ Христосъ Царь неугоденъ (Т. I. 52.),« »внутренній благодатный свѣтъ, заря дня невечерняго, *отсвѣтъ* славы вѣчной (Т. I. 141.),« »не въ грубомъ-ли »веществѣ или *тѣлесности* заключается причина тьмы, »зла и грѣха (Т. II. 317.),« »Господь видитъ, что пода»ваемую имъ чашу жизни *самочиніе* захочетъ похитить »у меньшихъ братій Его (Т. II. 382.),« »у людей знаме»нитыхъ и богатыхъ судьба дѣтей много иногда зави»ситъ отъ *дѣтоводителей* и наставниковъ (Т. III. 381.),« »что такое Духъ Святый въ первоначальныхъ дарахъ »своихъ, сіе изъясняетъ Самъ Онъ Своими огненными »языками. Онъ есть невещественный огнь, который дѣй»ствуетъ двумя силами: свѣтомъ и теплотою, свѣтомъ »вѣры, теплотою любви....... Сліяніе сихъ *источныхъ* »даровъ Духовныхъ образуетъ огненный языкъ, изре»кающій Законъ Бога Слова въ сердцѣ человѣка (Т. I. 165.).« »Вѣрный подданный, яко *праволучная* стрѣла, »летитъ на намѣреніе прозорливаго и благосердаго Мо»нарха (Т. III. 340.).« »Можетъ ли каждый изъ насъ, »*незапинаемый* совѣстію, сказать: готово сердце мое Бо»же, готово (Т. I. 247), »оскверненное грѣхомъ очистить, »омраченное просвѣтить, плотяное *одуховить*, растлѣвшее »исцѣлить (Т. I. 487.).« »Жизнь человѣческая въ своей »дѣятельности движется между тремя предѣлами, къ ко»торымъ *приражаясь* неправильно, приводитъ она въ за»мѣшательство собственныя движенія, и повреждаетъ са»ма себя. Сіи духовные предѣлы суть: самъ человѣкъ, »ближній и Богъ (Т. III. 206.),« „обезображенные болѣз»нями, покрытые ранами, вергутся на Него безъ разбора, »бѣснуемыхъ влекутъ и *привергаютъ* къ Нему другіе: »все терпитъ Онъ; всему снисходитъ (Т. III. 395.).“

Нельзя не замѣтить также: A) счастливаго употребленія Ораторомъ нѣкоторыхъ словъ, доселѣ исключительно принадлежавшихъ Св. Писанію и Славяно-церковному языку. Таковы напр.: *дѣйственный* (Лат. *efficax*. Т. I. 68.), *живо бо слово Божіе и дѣйственно* (Евр. IV. 12.), *отрѣвать* (Т. I. 489.), *рѣяніе* (Т. II. 202.), *страхъ Господень отрѣяетъ грѣхи* (Сирахъ. I. 21.), *окаменить* (Т. I. 13.), *ослѣпи очи ихъ, и окаменилъ есть сердца ихъ.* (Іоан. XII. 40.). B) нѣкоторыхъ выраженій совершенно новыхъ, напр. *собрать себя въ молитву* (Т. I. 476.), *бѣгущій* взоръ (Т. II. 108.),—что гораздо точнѣе обыкновенно употребляемаго *бѣглый* взглядъ, ибо здѣсь дѣйствительно требуется выразить понятіе *бѣга* а не *бѣгства*. C) новыхъ оборотовъ, какъ напр. *радуемся видѣть* (Т. II. 108.) не съ Французскаго, *nous nous réjouissons de voir*, а съ Славяно-церковнаго: *радуешися яко исполинъ тещи путь* (Псал. XVIII. 6.).

Можетъ быть, Рецензентъ О. З. возразитъ намъ: „Мы сами внесли" Слова и Рѣчи „въ Библіографическую Хронику свою, немедленно по выходѣ ихъ изъ печати, и тотчасъ сказали, что это собраніе" „есть чрезвычайно важное явленіе „отечественной литературы, какъ *по достоинству бого-„словскаго ихъ содержанія*, такъ и по образцовому из-„ложенію ораторскому, которое дается только людямъ, „предназначеннымъ къ тому *природой* и просвѣтившимъ „себя *наукою* (1)." Мы тогда же сказали, что „о такихъ „произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія надобно или го-„ворить много, или ограничиться краткимъ извѣщеніемъ „ихъ содержанія." И потому мы осторожно удовольствовались сообщеніемъ читателямъ только того, что они могли сами найти въ оглавленіи, т. е. что „Слова и Рѣчи Москов-„скаго Митрополита Филарета раздѣлены на одиннадцать „отдѣленій: Слова на праздники Господни, Слова на вос-„кресные дни, Слова на богородичные дни и пр. — Къ „этому, можетъ быть, прибавитъ Рецензентъ: но все это

---

(1) См. О. З. 1845. N 4. Библіогр. Хрон., стр. 36.

„мѣрная и плавная періодическая рѣчь на манеръ древ-
„нихъ, столь несвойственная духу новѣйшихъ языковъ,
„а не такъ называемая отрывистая, или лучше сказать,
„естественная рѣчь, столь свойственная духу новѣйшихъ
„языковъ (1).“

Не знаемъ, гдѣ найти образцы этой рѣчи, но будемъ искать ихъ въ самой той статьѣ Рецензента О. З., которую мы разсматривали. Тамъ представятся намъ напр. слѣдующія фразы: „Русскій языкъ еще не *установился*, — и дай „Богъ, чтобъ онъ еще какъ-можно-долѣе не *установился*, потому-что чѣмъ *дольше* будетъ онъ *устанавливаться*, тѣмъ лучше и богаче *установится* онъ. Есть „люди, которые вѣрятъ, или только *дѣлаютъ видъ*, „что вѣрятъ, будто Карамзинымъ русскій языкъ совершенно утвердился и *дальше* идти не можетъ: *много* благодарны за этотъ *языкъ-скороспѣлку*, которому „только *безъ году недѣля*, а онъ ужъ и состарѣлся“...... „........ Явился Пушкинъ и русскій языкъ *обрелъ* новую „силу, прелесть, гибкость“ и пр................ „Они (языки „Западной Европы) образовались большею частію *изъ обломковъ латинскаго*, чрезъ который приняли *въ себя не „малое число даже* греческихъ словъ“............ „Годовый „*бюджетъ* произведеній всѣхъ этихъ писателей едва могъ „*ставать на недѣлю чтенія*“............ „Въ чемъ же упрекаютъ его (образованное общество)? — Развѣ въ томъ, „что оно *не проглатываетъ* всего, что производитъ досужество россійскихъ сочинителей? — *Ну*, за это *надо* „извинить высшее общество: оно *немножко деликатно* „и боится *индижестіи*.... „За это *облатыненіе* русской „грамматики не должно строго судить нашихъ старыхъ „грамматѣевъ: вся ихъ вина состояла въ томъ, что они

(1) См. О. З. 1845. N 11, Библіогр. Хрон., стр. 24.

„начали съ начала, по естественному ходу человѣческаго „ума. Въ слѣдствіе *реформы* Петра Великаго, у насъ все „русское неизбѣжно должно было *объиностраниться*"..... „Сидѣльцы овощныхъ лавокъ и кухарки говорятъ и пи-„шутъ, *руководствуясь* только употребленіемъ, а *отнюдь* „не грамматикою; *но* потому-то иногда смѣшно *слышать* „*ихъ говорящими*, и всегда такъ трудно понимать напи-„санное ими........ И такъ, вмѣсто того, чтобъ *пѣть іере-„міады* противъ нововводителей, — не лучше-ли бы при-„няться за *разработку* орѳографіи" и пр.....

Не ужели это легкая проза, естественная рѣчь, языкъ разговора и образованности, языкъ, которымъ должны говорить общество и словесность?

„Что за наука словесность? Ее выдумали педанты, „школяры, которые стихотворство смѣшиваютъ съ поэ-„зіею, а краснорѣчіе считаютъ искусствомъ, въ смыслѣ „художества, творчества, и ораторовъ, слѣдовательно, „почитаютъ артистами, художниками, творцами. Г. N, „*подъ словесностью*, какъ наукою, разумѣетъ грамматику, „реторику и піитику: такъ думали люди только во вре-„мена варварской схоластики, рабски подражая во всемъ „древнимъ, которыхъ они не понимали. Но подобные „предразсудки не стоятъ опроверженія (1)"......

Такъ говоритъ Рецензентъ О. З. Это ученіе, вѣроятно, скорѣе и ревностнѣе всѣхъ примутъ ученики Гимназій. Жаль, ежели они будутъ слѣдовать ему, поступивши въ Студенты Университетовъ! Бѣда — если они будутъ держаться его, сдѣлавшись преподавателями грамматики, риторики и піитики!

У насъ жалуются иногда что „на Рускомъ языкѣ „такъ немного геніальнаго и классическаго, что учителю, „читающему съ своими учениками многое и разнообраз-

(1) См. О. З. 1845. N 11. Библіогр. Хрон., стр. 23.

„ное поруски, будетъ стыдно передъ учителями древнихъ „и новыхъ языковъ.“ — Жалуются на „бѣдность обща-„го содержанія и такъ называемыхъ гуманныхъ идей въ „русскихъ произведеніяхъ.“ Другіе жалуются на недостатокъ полезныхъ и удобопонятныхъ книгъ для чтенія простому народу, между которымъ грамотность распространяется безпрестанно болѣе и болѣе.

Геніальное — понятіе относительное. *Гуманное* — понятіе условное. Незнаемъ навѣрно, что̀ полезно бы заимствовать, подъ именемъ *геніальнаго*, у древнихъ, и что̀, подъ именемъ *гуманнаго*, у новѣйшихъ иностранныхъ писателей, для чтенія юношеству. Не знаемъ также, какой успѣхъ и пользу будутъ имѣть съ смышленнымъ Русскимъ народо̀мъ, издаваемыя для него съ нѣкотораго времени книжки, гдѣ псевдо-Пафнутьичи разсказываютъ псевдо-Сидорычамъ довольно пошлую мораль *маленько-мужицкимъ* слогомъ. Относительно книгъ этого рода, мы находимъ въ высочайшей степени справедливыми слѣдующія слова: »ученый долженъ говорить съ неуче»нымъ не снисходительно, какъ высшій съ низщимъ, не »жалкимъ фистуломъ, какъ взрослый съ младенцемъ, — »но просто и благородно, какъ мыслящій съ мыслящимъ. »Онъ долженъ говорить собственнымъ своимъ языкомъ, »а не поддѣлываться подъ чужой, который называетъ »народнымъ. Эта поддѣлка не что иное какъ гримаса. »Эта народность не доходитъ до деревни и не перехо»дитъ за околицу барскаго двора (1).«

За чѣмъ трудиться сочинять посредственное, когда уже сочинено геніальное, и въ такомъ богатомъ избыткѣ? За чѣмъ не цѣнить по достоинству сокровища, которыми мы обладаемъ? И не лучше ли бы восполнить недостатокъ чтенія для юношества и грамотныхъ простолюдиновъ изданіемъ книги подъ именемъ „Христіанскаго и нравственнаго чтенія,“ которую бы исключительно составляли избранныя мѣста изъ твореній знаме-

(1) См. Москвитянинъ 1845, N 4, стр. 41.

нитыхъ, *современныхъ* намъ, Ораторовъ Православной нашей Церкви? — Не скажутъ-ли, что такую книгу трудно бы было понимать и юношамъ и простолюдинамъ? — Нѣтъ. Такой можетъ быть отзывъ только тѣхъ, которые или сами не читали, или не хотятъ допустить другихъ читать эти творенія. Весь трудъ при изданіи ограничился бы соотвѣтствующимъ цѣли избраніемъ мѣстъ, и приличнымъ размѣщеніемъ ихъ согласно извѣстной, правильной, системѣ. Книга, вся въ одномъ томѣ, должна бы быть издана исправно, но не роскошно, напечатана стереотипомъ, довольно крупнымъ шрифтомъ, легкимъ для глазъ и удобнымъ для чтенія, даже при свѣтѣ лучины, на хорошей, но дешевой бумагѣ, которая бы сдѣлала цѣну ея сколько можно умѣреннѣе. Навѣрно можно сказать, что такая книга, представляющая на языкѣ *легкомъ*, но изящномъ, правильномъ и чистомъ, чистѣйшее ученіе о вѣрѣ и нравственности, была бы съ удовольствіемъ принята и въ училищахъ и въ народѣ, содѣйствовала бы образованію языка и нравовъ юношей и простолюдиновъ, и возродила бы въ тѣхъ и другихъ желаніе прочесть современемъ вполнѣ творенія знаменитыхъ Учителей нашей Церкви. А Рецензенту О. З. представился бы удобный случай эту книгу, немедленно по появленіи, внести въ свою Библіографическую Хронику, тотчасъ *эксплуатировать достоинство* ея Богословскаго содержанія, *детальировать* красоты и недостатки, *прононсироваться* на счетъ ея пользы или безполезности, и особенно, указать намъ, гдѣ можно бы, по нуждѣ, съ пользою, или съ приличіемъ, вставить *реваншъ*, *препондерансъ*, *шансъ*.

Д

